

ОХОТНИКИ

На мамонтов

ЭДУАРД ШТОРХ

Иллюстрации Зденека Буриана

Эдуард Шторх

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

«Азбука-Аттикус»

1918

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44

Шторх Э.

Охотники на мамонтов / Э. Шторх — «Азбука-Аттикус», 1918

ISBN 978-5-389-18309-4

Имя чешского писателя, учителя и историка Эдуарда Шторха широко известно не только на его родине, но и в других странах. Приключенческие романы Шторха, посвященные далекому прошлому человечества, и по сей день вызывают интерес у юных (и не только!) читателей. Шторх неоднократно бывал в археологических экспедициях, принимал участие во многих раскопках — и, чтобы поделиться своими знаниями с молодым поколением, он начал писать книги о жизни первобытных людей. Так на свет появился главный герой самого успешного романа Шторха «Охотники на мамонтов» (1918) — мальчик Копчем, живущий 20-30 тысяч лет тому назад где-то в нынешней Южной Моравии. Копчем, как и все его сородичи, занимается собирательством, рыбной ловлей и охотой, а в свободное время резвится с такими же мальчишками, как он сам, наслаждаясь солнцем и воздухом. Под руководством сильного вожака соплеменники Копчема кочуют, выбирая для стоянок более безопасные и сытные места. Каждому в племени отводится своя роль: мужчины охотятся, кормят женщин и детей, а те ведут хозяйство, шьют одежду из шкур и дежурят у очага. Первобытных людей всюду подстерегает опасность: они гибнут от лап хищников, болеют, сражаются с соседями, иногда голодают, мерзнут. При этом каждый их день наполнен удивительными для современного человека встречами с дикими животными и стихией... Роман с иллюстрациями замечательного чешского художника Зденека Буриана публикуется на русском впервые в полном переводе!

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44

ISBN 978-5-389-18309-4

© Шторх Э., 1918
© Азбука-Аттикус, 1918

Содержание

Часть первая	9
Моравия прекрасна	10
Юные охотники	12
Зубры	19
Стоянка охотничьего племени	25
Вестоницкая Венера	32
Мамонты	39
Упущенная добыча	45
Часть вторая	52
На новые места охоты	53
Лемминги	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эдуард Шторх

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

Eduard Štorch

LOVCI MAMUTŮ

Copyright © Eduard Štorch – heirs c/o DILIA, 1918

All rights reserved

Перевод с чешского Инны Безруковой

Серийное оформление и оформление обложки

Владимира Гусакова

Иллюстрации Зденека Буриана

© И. Г. Безрукова, перевод, 2022

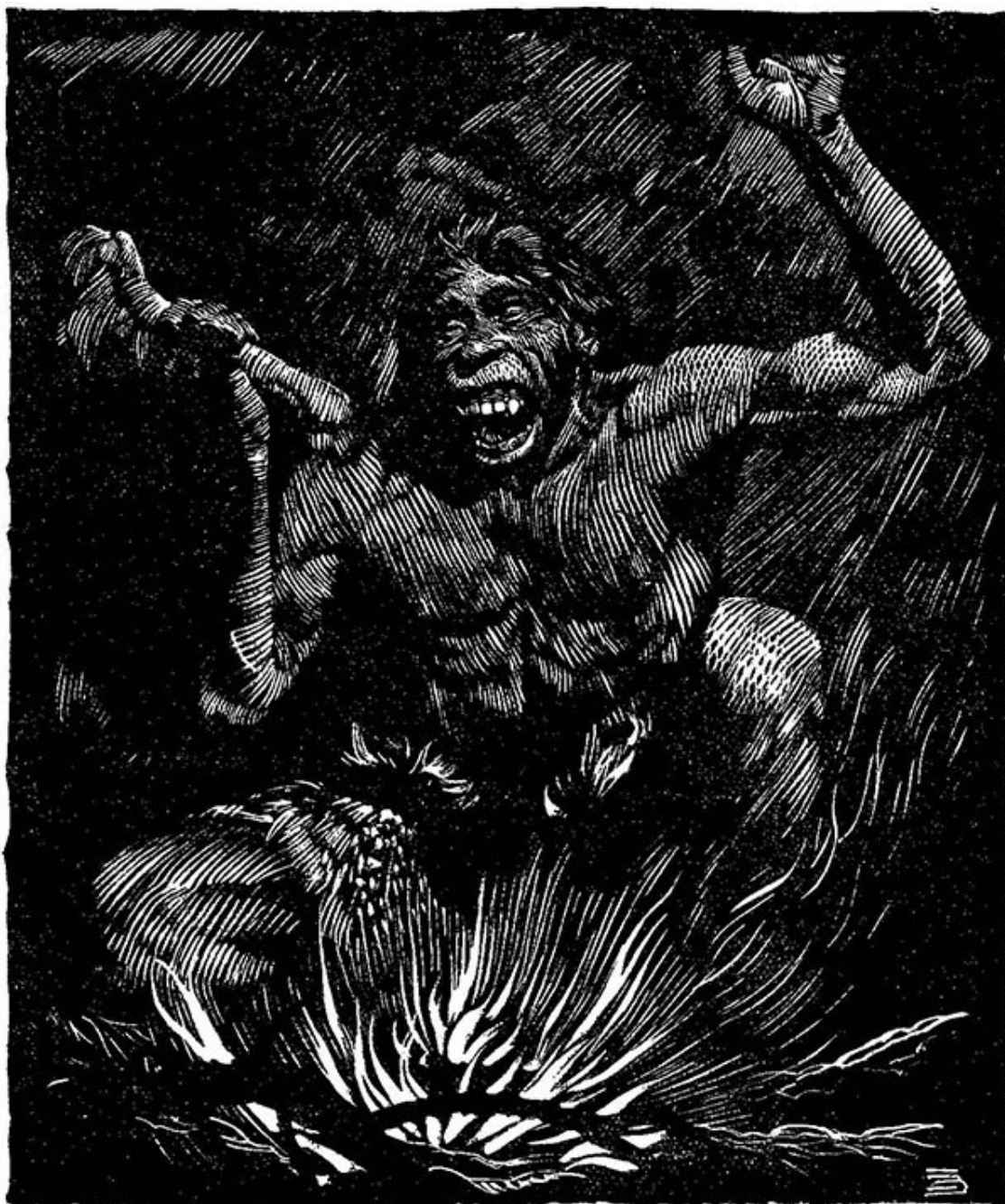
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Иллюстрации Зденека Буриана

Часть первая На берегу Дыи

Моравия прекрасна

И она любит солнце. Вся так и тянется к нему. Самые высокие ее горы – на севере, самая большая низина – на юге. Посередине же вздымается удивительный Моравский Крас¹ с его гулкими пещерами и глубокими пропастями.

Все воды Моравии стремятся по склонам вниз, к югу. Лишь на самых ее границах реки сливаются в один могучий поток. В верховьях путь им преграждал Крас. Он делит Моравию на две большие котловины: в западной вбирает в себя все воды извилистая Дыя, а восточная дарит свои воды реке Мораве. Затем обе эти реки далеко на юге, в краю болот, сливаются воедино. Само древнее название Моравия означает «топь».

Последняя мощная излучина Дыи огибает известняковые Павловские горы, вздымающиеся на четыреста метров над окрестными низинами. У подножия этих гор на берегу Дыи находится селение Дольни-Вестонице, прославившееся нынче на весь мир; стоит это селение на толстом слое желтой гончарной глины. Именно там и нашли в 1924 году обломки кремневых орудий труда и множество костей древних животных – в основном мамонтов. Эта находка свидетельствует о том, что здесь, на речном берегу под Павловскими горами, располагалась некогда огромная стоянка первобытных охотников, возможно – самая большая в мире².

---

¹ *Моравский Крас* (Моравский Карст) – одна из известнейших достопримечательностей Моравии. Вода, растворившая горные породы, создала там сотни пещер, пустот, впадин. Массив Моравский Крас тянется в длину на 25 километров. 1100 пещер (самая знаменитая из них – Мацоха, то есть Мачеха) привлекают множество туристов, которые могут проплыть по подземной реке и посмотреть не только на сталактиты и сталагмиты, но и на геликтиты, расположенные горизонтально к поверхности почвы. Некоторые виды обитающих там беспозвоночных животных, как ни странно, не изучены до сих пор. Вдобавок, что особенно интересно для читателей нашей книги, на стенах отдельных пещер есть рисунки первобытных людей. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

² *Дольни-Вестонице* – населенный пункт в Южноморавском крае Чешской Республики, где в 1922 году была обнаружена стоянка древних людей, существовавшая примерно в период с 30 000 до 27 000 лет до н. э. Раскопки там идут до сих пор. Стоянка оказалась богата на предметы искусства и прочие доисторические артефакты.

Юные охотники

Солнце висит над высочайшей вершиной Павловского горного хребта и купает свои ласковые теплые лучи в блестящих водоемах низины.

Трудно сказать в точности, куда стремится Дыя. В три раза более полноводная, чем нынче, она вьется по равнине, разбегается рукавами, сливается с озерцами и бочагами, протекает через болота, так что зачастую среди зелени и не разберешь, где вода, а где суша.

Речки Йиглавка и Свратка сплетаются в необъятной низине своими разветвленными рукавами – не понять даже, где они, собственно, вливаются в Дыю. Тучи комаров и мошек носятся над болотистой местностью и немилосердно жалят зверей и людей, оказавшихся в этих краях. Кто может, укрывается от них в лесах и на горных склонах, где насекомых чуть меньше.

На холме, между Дыей и горами, играет стайка нагих детей. Здесь веет свежий ветерок, отгоняя назойливых комаров и кусачую мошкату. Совсем недавно мальчишки гнали прочь девчонок и даже делали вид, будто вот-вот зашвыряют их камнями. Они не хотели играть с ними. Ведь из мальчиков со временем получаются охотники, их ждут схватки с медведями, мамонтами и носорогами, так с чего бы им водиться с девчонками, которые жуют шкуры?³ Мужчины – это истинные владыки, пускай даже пока такие маленькие, что и лук-то натянуть не в силах.

Однако, увлекшись игрой, дети вскоре перемешались. И вот они уже все вместе весело играют в прятки, совсем позабыв об основном различии, существующем в человеческом обществе, – о различии между мальчиками и девочками. Все дети одинаково ловкие, они одинаково хорошо бегают, прыгают и лазят по деревьям. И мелюзга не отстает от старших. Один малыш провалился в щель между валунами – на руке и на лбу у него кровь, да еще и колено ушиблено. Вон как быстро оно наливается синевой. Мальчик поднялся с земли с глазами, полными слез, с гримасой боли на лице. Другие мальчишки сразу подбежали к нему и стоят теперь рядом, чтобы осыпать градом насмешек, как только тот расплачется. Но пострадавший мальчонка вытер измазанной ладонью глаза, потянул носом... вот и все, он уже даже улыбаться пытается.

Издевки друзей жгут сильнее голода, сильнее мороза, они нестерпимы, точно огонь. Мальчик преодолевает боль и через силу усмехается. Он усвоил уже закон охотников, передающийся в племени от поколения к поколению: тот, кто слаб телом, ни на что не годен. Нельзя поддаваться слабости. Такого сразу засмеют, и по праву, потому что он – обуза для остальных членов племени в их борьбе за существование.

---

³ Снятые с убитых зверей шкуры очень быстро ссыхались и становились ломкими, поэтому их для сохранности сначала пропитывали жиром, а потом смягчали самыми разными способами: жевали, мяли руками и ногами, разглаживали челюстями крупных животных. (Кстати, для выделки перчаточных кож до сих пор используют рыбий жир.)

Мальчишки уже утомнились. Поиздеваться над бедолагой им не пришлось. Вообще-то, Жучок – мальчонка храбрый, хотя на дерево ему пока не взобраться и камень далеко не забросить. Так что одобрение он заслужил. И все ребята дружно закричали по-медвежьи:

– Хоу-а! Хоу-а! Хоу-а!

Мальчик настолько доволен похвалой, что тут же забывает о боли. Он опять включился в игру, разве что еще чуток прихрамывает.

Девочки вспугнули стайку куропаток. Дети смотрят им вслед, ждут, куда они сядут.

Ловкий мальчишка лет примерно двенадцати (на шее – кожаный шнурок с несколькими косточками) указывает рукой высоко вверх...

В яркой синеве над нынешней Вестоницей кружит хищная птица. Она приближается, почти не взмахивая крыльями.

Едва куропатки сели, птица камнем упала вниз и скрылась в зарослях. И кукушка бы трижды прокуковать не успела, как хищник опять взмыл в небо. В лапах у него зажата куропатка. Неся ее куда-то в горы, он постепенно скрывается вдаль.

– Ястреб... молодой! – сказал мальчишка с ожерельем на шее и ткнул рукой в сторону Павловских гор. Голос его звучит грубо. Ясно, что говорить ему трудно. Речь он сопровождает жестами, как и все люди тогдашнего времени, изъяснявшиеся в основном с помощью рук и гримас, а не рта.

– Копчем, айда куропаток ловить! – предложил ему приятель и немедля направился туда, куда опустилась птичья стайка.

Копчем взвизгнул в знак согласия и последовал за своим лучшим другом, неунывающим Бельчонком. К ним присоединились еще двое мальчишек; остальные дети по-прежнему носились среди кустов.

Четверо мальчишек, от восьми до двенадцати лет, пробирались ползком через заросли и валуны. По дороге каждый набрал полные пригоршни камней, чтобы кидаться ими. Похоже, что Копчем у них за вожака. Прочие во всем ему подражают.

Взобравшись по склону, Копчем остановился и принялся оглядываться.

Перед ним простирается бесконечная равнина, окаймленная на горизонте синеватыми холмами. На северо-западе волна за волной вздымаются высокие Хршибы⁴. За Дыей редкие зеленые рощицы перемежаются с поросшими кустарником полянами. Вдоль русла Дьи поблес-

⁴ Хршибы – горный хребет, часть Западных Карпат.

квивают маленькие озера и вьются речные рукава. А внизу, под холмом, сгрудилось несколько шатров из шкур – там находится стоянка охотничьего племени. Дым костра столбом поднимается к небу. Голоса охотников сюда, к мальчишкам, не долетают, да и самих охотников разглядеть почти невозможно.

Копчем прополз немного вперед и обогнул колючие кусты ежевики. Теперь он спускается вниз, туда, где надеется отыскать семейство куропаток. Его спутники замешкались и упустили Копчема из виду. Они отвлеклись на поспевшую землянику, заросли которой занимают чуть ли не весь склон. Мальчишки не справились с искушением и жадно набросились на красные ягоды. Торопливо, фыркая и сопя, они закидывают земляничины в рот. Знай только отплеваются, когда вместе с ягодами пихают в рот и листочки.

Копчем презрительно оглянулся на остальных и медленно двинулся дальше. Он ловко использует все природные укрытия – кусты, ямки – и на животе, точно ящерка, переползает через груды камней. В нем пылает охотничий азарт. Он не беспомощный ребенок, который зависит от матери и от того, что перепадет ему возле костра от взрослых охотников. Копчем и сам уже кое-что может. Лисьи зубы, нанизанные на шнурок у него на шее, – это свидетельство того, что он одолел в схватке нескольких больших лис. Ну а пойманными зайцами-беляками, пугливыми сурками и вкусными мышами-полевками такому сильному и проворному парнишке хвастать не годится. С этими зверьками и некоторые девчонки справятся. Вчера вон даже малыш Цебик поймал суслика, а ведь он пока ни плавать не умеет, ни на дерево вскарабкаться не может, совсем как Жучок. Копчем же не боится ни коварного волка, ни свирепой рыси, ни хитрой росомахи!

Совсем скоро он присоединится ко взрослым парням, таким как Онаш и Росток, они и сейчас всего-то на полголовы выше его, Копчема. Пока еще настоящие охотники не позволяют ему сопровождать их. В прошлый раз, как маленького, даже камнями отогнали, когда он попробовал пойти с ними на оленей. Но Копчем уже и ползать отлично умеет, и зверей выслеживать, и бежать по густой траве, так что он точно бы не стал им помехой. Ладно, сегодня ему и подбитой камнем куропатки хватит.

О, Бельчонок подает знак. Наверняка что-то заметил!

Копчем неслышно обошел кусты и каменную россыпь под скалой и подкрался к Бельчонку.

Бельчонок, ровесник Копчема и его верный спутник в любом приключении, показывает вытянутой рукой куда-то за ежевичные кусты.

На маленькой прогалине солнце освещает невысокую скалу, на которой распласталась лиса. Она недвижима.

– Спит! – шепчет Бельчонок Копчему, и оба мальчика потихоньку продвигаются поближе к зверю. Они прижались к земле и только чуть-чуть приподнимают головы над брусничными зарослями, чтобы лучше видеть. мех у лисы длинный, блестящий, желто-коричневый – почти везде, разве что возле самой пасти и на кончике пушистого хвоста есть ярко-белые пятна. Завидная добыча...

Над скалой мечутся несколько ворон. Взволнованно каркают.

– Лиса не спит – она мертвая! – тихо проговорил Копчем и кивнул Бельчонку на ворон.

Мальчишки уже было собрались встать, чтобы подобрать трофей, как прежде неподвижная лиса внезапно дернулась, молниеносно подпрыгнула и ухватила одну из ворон за крыло. Остальные птицы страшно раскричались и атаковали притворщицу. Зверь с вороной в пасти пустился наутек.

Но не успела плутовка добежать до кустарника, как нерастерявшийся Копчем угодил в нее камнем, так что дальше ей пришлось скакать на трех лапах. Однако лиса храбро пробралась через кусты и неспешной рысцей направилась вниз по склону. Ее вытянутый хвост мелькал среди густой травы, указывая преследователям путь.

Оба мальчишки бежали за подбитой лисой. Неожиданная охота распалила их, так что ни о чем другом они и думать не могли.

На холмике у кизилового куста лиса остановилась. Она уже заметила, что ее преследуют враги более опасные, чем крикливые вороны, так что решила воем выказать им свою злобу. Она не позволила мальчикам приблизиться, а потом снова потрусил по склону.

Копчем и Бельчонок – бегуны хорошие, выносливые. Их заглубившим ступням не помеха ни острые камешки, ни режущая осока, ни колючие сучки. Мальчишки могут бежать и через заросли ежевики, жадно хватающей за ноги, и через высокую, до пояса, крапиву. Теперь они держатся на расстоянии друг от друга, чтобы лиса оказалась между ними. Приятели и словом не перекинулись, оба и так знают, что делать. Они не дадут лисе метнуться в сторону, каждую ее попытку остановит метко пущенный камень. Лиса вынуждена бежать к реке. Там-то – как надеются мальчишки – они ее догонят и прикончат.

Копчем дышит часто-часто, и щеки у него покраснелись. Он немного отстал: в ногу ему воткнулась терновая колючка. Однако он быстро ее вытащил и опять устремился в погону. Бельчонок тоже ненадолго остановился, чтобы обтереть кровь с пальцев на левой ноге. Ему почудилось, что одного пальца у него не хватает, но вот он уже вздыхает с облегчением: все пальцы на месте. Считать Бельчонок не умеет, просто помнит, как его нога должна выглядеть. Что ж, пора бежать дальше!

Возле самой реки трава такая высокая, что мальчики едва не упускают лису из виду. Хорошо, что трава колыхается извилистой тропкой: понятно, куда именно бежит зверь.

Друзья напрягают все силы, опасаясь, что лиса скроется в камышах. Они успевают еще заметить, как она роняет ворону, торопливо подхватывает ее и... исчезает среди зеленых камышовых стеблей.

Мальчики растерянно переглядываются, почесывают искусанные комарами и мошкаркой ноги.

Охота явно не задалась.

Взмахнув рукой, Бельчонок ловит большого кузнечика. Ловко отрывает ему крылышки и ножки и съедает. Копчем, утерев едкий пот, заливающий глаза, всматривается в холм, где они совсем недавно играли с другими детьми.

Что там происходит? Оба мальчишки застыли, разинув рты от изумления.

Зубры

Из леса под горами показалось несколько огромных зверей. Это были зубры, или бизоны, – их легко узнать даже издали по мощной передней части тела.

Первым выступал рослый сильный бык, а за ним следовали три коровы и теленок. Бык остановился возле одинокой сосны и потерся о нее. Потом от избытка мощи он вонзил рога в дерево у самых корней и, встряхнув головой, резким движением вверх рассек кору, так что она свесилась со ствола длинными лентами. Бык опять наклонил голову, чтобы повторить удар, но вдруг замер, моргая и вытянув хвост.

Ветер донес до него детские голоса.

Зубр медленно поднял голову и напряг все свое могучее тело.

Между деревьями мелькали фигурки бегавших детей.

Зубр затопал копытами, предупреждая свое семейство.

Коровы как раз начали щипать траву, но по приказу быка насторожились, готовые ему подчиниться.

Какой-то мальчишка, уколотившись о шип, ойкнул, и несколько ребят побежали к нему через густой перелесок. Треск ветвей и хруст поломанных сучьев всполошили зубров.

Бык хлестнул себя по боку хвостом, резко повернулся и помчался к травянистой низине. Он мелкими скачками несся по склону, ничуть не заботясь о семействе. Зверь знал, что все оно бежит следом: сзади слышался топот. Теленок, правда, замешкался, но корова его не бросит, останется позади него, чтобы охранять.

Дети уже заметили убегающих зубров и выскочили из перелеска на косогор. Они забыли о догонялках и с любопытством следили за испуганным стадом.

Но вот их молчаливое удивление сменилось громкими криками, и ребята, радуясь неожиданному приключению, пустились в погоню за убежавшими к Дые зубрами, как будто намереваясь поймать их.

Копчем с Бельчонком наблюдали за происходящим от реки. Поначалу оба очень обрадовались, но, когда ребяташки погнали зубров к воде, двое приятелей сердито заворчали и принялись недовольно прыгать с ноги на ногу и хлопать себя ладонями по бедрам.

Стадо зубров – отличная добыча для охотничьего племени! Однако эти глупцы вот-вот все испортят: они бегут за стадом, не позволяя ему остановиться! Но если оно не остановится, охотники не смогут его окружить. Значит, зубры доберутся до реки, переплывут ее и скроются на другом берегу. Племя лишится добычи, в которой давно нуждается.

Плохо пришлось бы ребяташкам, если бы Копчем и Бельчонок оказались поблизости. Они бы за волосы их оттащали и по спинам кулаками прошлись, за то что дети ведут себя так по-дурацки. Хоть бы догадались охотников из становища предупредить – но нет, не догадались! Хороши же будущие добытки! Кроты они слепые, вот кто! Стадо зубров бежит совсем рядом со стойбищем, а охотники сидят там возле костра, соскребают мясо с засохших костей и ничего не знают...

Копчем перебрался через глубокую лужу, встал на пригорке, поросшем ивняком и березками, приложил ладони к глазам и удовлетворенно закивал Бельчонку.

Дети запыхались от бега и отстали от стада.

Зубры были уже совсем рядом с нашими друзьями, теперь животные перешли на шаг.

Копчем скрутил из травинки жгут и обвязал его вокруг головы. За жгут он воткнул длинные камышины, так что получилось нечто вроде короны. Бельчонок без раздумий сделал то же самое. Оба мальчика начали потихоньку красться к зубрам.

Полусогнувшись, они идут по высокой траве, время от времени высываясь из нее и встряхивая головой.

Они уже привлекли внимание взрослого зубра.

Стадо остановилось, чтобы повнимательнее присмотреться к этим странным существам.

Мальчики вели себя спокойно, резких движений не делали, только то опускали головы в траву, то опять поднимали их. Потом оба замерли.

Несколько минут зубры стояли неподвижно и разглядывали их. Ветер относил человеческий запах в сторону, и потому животные, не почуяв ничего опасного, скоро совершенно успокоились. Коровы принялись тереться друг о дружку: так они давили надоедливых комаров, усеявших их бока. Теленок беззаботно жевал клевер, щавель и одуванчики. Вожак стада склонил голову, вырвал из земли большой куст папоротника, но есть его не стал, а насторожился... листья папоротника свисали у него по обеим сторонам морды.

Копчем и Бельчонок от волнения даже заскулили. Они уже заметили охотников, бегущих сюда с копьями и топорами.

Значит, племя все же проведало о стаде зубров! Ох, только бы звери не помчались к воде!

Взрослый бык заметно обеспокоен. Он явно готов удирать.

Нет, нельзя подпускать зубров к реке! Но охотники еще так далеко. Кто же преградит животным путь?

Да, зубр явно почуял опасность: он тронулся с места, побежал... остальные последовали за ним. И напрямиком к Дые!

Копчем с Бельчком вскочили и храбро встали перед стадом. А потом вдруг запрыгали, замахали ветками и заорали во все горло.

Но взрослый зубр их словно не замечает и упрямо несется вперед. И мальчишки поддались-таки страху – отскочили в сторону, в ивовые заросли. Успели едва-едва!

Налетел порыв ветра. Бык, который был всего в нескольких прыжках от мальчиков, учуял человеческий запах, фыркнул, выпустил наконец из пасти папоротник и изменил направление бега. Помчался в сторону от реки. Коровы с теленком послушно повернули за ним.

Выскочив из ивняка, друзья радостно ухмыляются. Значит, зубры все же останутся на этом берегу Дьи! Оба юных охотника бешено прыгают возле стада и даже отваживаются отогнать теленка от коровы. Копчем при этом неосторожно подошел совсем близко к зубрихе, и та, низко опустив голову, немедленно погналась за ним, готовая насадить мальчика на рога. Копчем спасся, мгновенно припав к земле и вжавшись в мягкую почву, так что корова потеряла его из виду. Она облизала спинку своего теленка и потрусила вместе с ним вслед за зубром.

Павловские горы крутые, над стойбищем вестоничского племени их острые вершины резко вздымаются к небу, но здесь, возле Дьи, они уже плавно переходят в низину. Из мелкой лощины наперерез зубрам кинулись сразу несколько охотников. Бык-вожак на миг остановился, но вступать в схватку, опасную для обеих сторон, не захотел и без дальнейших раздумий кинулся в воду. Коровы пробились сквозь ольшаник и устремились следом за ним. Зубриха-мама подтолкнула головой усталого теленка – и вот он уже плещется в неглубокой заводи.

Но плыть зубры не смогли – для них оказалось слишком мелко. Барахтаясь в тине, они медленно продвигались вперед, с трудом вытягивая ноги из ила.

Копчем так раззадорился, что не оценил опасности предательской трясины и тоже кинулся в воду. Напрасно Бельчонок криками звал его обратно: Копчем его не слышал. А если б и слышал, все равно бы внимания в такую минуту на советы не обратил.

Вода тут едва до колен доходит, но ил под ногами расступается и тянет вниз, так что Копчем сразу провалился по пояс. Однако он с усилием высвободил ноги и добрался все же до быка-вожака. Ухватился за хвост огромного, метавшегося из стороны в сторону зверя и начал вытягивать его из трясины.

Подбежавшие охотники чуть со смеху не лопнули при виде мальчишеских попыток не дать зубру увязнуть.

Все стадо застряло в трясине и чем больше рвется вперед, тем глубже утопает. Некоторым зубрам удастся сделать шаг-другой, но они такие тяжелые, что тина их не удерживает – и вот они уже опять стоят по грудь в воде и грязи.

Охотники, громко крича и перебранываясь, ломают ветви, вырывают из земли кусты и кидают их на трясину, чтобы сделать мостки. Они надеются добыть много мяса. До одной из коров люди уже добрались и теперь колют ее копиями.

Вторая корова совсем увязла в тине, так что ее почти не видно, а третья пробилась к глубокой воде и поплыла, отфыркиваясь, на другой берег.

Копчем точно обезумел: он по-прежнему держит зубра за хвост и палкой колотит гиганта по спине. Зубр яростно дергается – плохо придется парнишке, коли животное пнет его задней ногой!

На берегу Бельчонок, разгорячившись, подбадривает воплями и жестами последних припозднившихся ловцов и женщин. Чем больше на охоте рук, тем лучше. Одной из запыхавшихся женщин он указывает на Копчема. Это ее сын. Женщина в ужасе вскрикнула и тут же принялась пронзительным голосом звать Копчема на берег.

Но Копчем только мельком взглянул на нее и даже не ответил. Как может сейчас кто-то – да хоть бы и мать! – требовать, чтобы он отказался от такой прекрасной схватки на глазах всего племени?! Нет, ни одной женщине не понять, что такое охотничий азарт! Копчем делает вид, будто не слышит материнских призывов; не хочет он опозориться и покинуть поле боя, когда ему выпала возможность отличиться.

Зубр уже наполовину погрузился в тину. Он тяжело дышит и с каждым вдохом затягивает в себя целую тучу комаров, так что в их плотном рое зияет круглая пустота. Правда, животное тут же выкашливает их обратно, но это лишь увеличивает его ярость. Зубр тарашит глаза, беспомощно глядя на повисшую перед ним завесу из насекомых.

Мать, видя, что Копчем не слушается, зашла в заводь и добралась до сына. Как раз когда сопящий зубр поднял свою косматую голову и обернулся к мальчику, чтобы поддеть его острым рогом, мать схватила ребенка за руку и оттащила в сторону. Но сама при этом глубоко провалилась в трясину.

Несколько охотников ударили зубра копиями, и он, сильно дернувшись, завалился на бок, придавив своей тушей несчастную женщину.

Ниана пожертвовала собой ради сына.

Охотники бешено бьют огромного зверя каменными топорами. Они хотят вытащить бедолагу, но им не удастся сдвинуть тяжелого зубра, который, ворочаясь, все глубже погружает Ниану в трясину. Кровь, смешавшаяся с грязью, отмечает раны на теле ослабевшего великана.

Женщины и дети обступили на берегу теленка и всячески его дразнят. Они даже не заметили того, что случилось с Нианой.

Только две пожилые женщины, державшие в руках запасные копия для охотников, печально глядят на бой со зверем. Они думают о бедной Ниане, которая так внезапно рассталась с жизнью. Но никто из них не причитает – охотничьи законы запрещают оплакивать погибших в схватке с животным.

Смерть матери Копчема не произвела на племя особого впечатления. В жизни охотников по-другому и не бывает: поутру никто не знает, доживет ли он до вечера. В вечной борьбе за существование победу одерживает то человек, то зверь – так было и так будет.

Однако Ньян, муж и господин Нианы, все же огорчен; он взволнованно шмыгает носом и часто моргает. Ньян потерял женщину, сильную и надежную служанку, которую он некогда выменял за отличную медвежью шкуру. Найти новую женщину будет трудно. Его ждет множество забот. Кто теперь станет во время охотничьих походов носить за ним его шатер? Кто станет жевать звериные шкуры, чтобы сделать их мягкими?

Между тем охотники подтягивают убитую зубриху ближе к берегу. Она почти полностью погрузилась в вязкий ил, так что им приходится следить за тем, чтобы и самим не утопнуть.

Копчем больше не пылает охотничьим азартом. Он неотрывно смотрит на забрызганный кровью цветок кувшинки – ждет, что взрослые вот-вот сдвинут мертвого зубра и его мать встанет. Но тут один из мужчин отталкивает Копчема в сторону, чтобы не мешался под ногами.

Копчем еще какое-то время простоял в воде, прикусив зубами палец левой руки, а потом, потупившись, выбрался на берег и сел под ольховый куст.

Ликующие крики охотников ознаменовали собой конец сражения с зубром. Усталые мужчины вылезли из грязи и велели женщинам выволочь обоих животных на сушу. Сами же охотники разлеглись на траве. И только теперь прозвучало несколько слов о неожиданной гибели Нианы, верной подруги храброго охотника Ньяна.

Женщины – почти все кривоногие от постоянного сидения на земле со скрещенными ногами⁵ – без промедления залезли в заводь, взяли за рога, гриву, хвост и ноги быка и, собрав все силы, потянули его по воде к берегу.

Крик, шум, визг – звуки суматохи разносятся по окрестностям. Во все стороны летят брызги – это женщины оскальзываются на иле, ойкают, когда не могут вытащить ноги из хляби; мужчины громко смеются, радуясь обильной добыче.

Перепаханные в грязи женщины вытащили наконец зубра на берег, но он довольно крутой, так что удержать тушу они не смогли и убитый зверь опять оказался в воде, – те, кто был внизу, еле успели отскочить, чтобы не оказаться раздавленными. Мужчины хохочут еще громче: надо же, все-таки без них не обойтись. Польщенные этим, они не спеша поднимаются, презрительно поглядывают на суетящихся женщин, сами берутся за тушу...

Но им тоже стоило большого труда вытащить добычу на берег. Напряженные мускулы, выкатившиеся глаза, сжатые зубы – все свидетельствовало именно об этом. С губ мужчин срывались порой короткие выкрики. Однако в конце концов зубра вытащили наверх. Охотники радостно оглядывают огромное животное и немедля опять лезут в воду, чтобы извлечь оттуда почти утонувшую зубриху. Спустя несколько минут она тоже оказывается на берегу.

Потом они наскоро обыскивают трясину, где погибла Ниана. Это не настоящие поиски – помочь-то женщине уже нельзя. Что ж, вестоницкое племя добыло зубров, заплатив дань: жизнь Нианы. Равновесие соблюдено, и люди довольны.

На берегу уже началось пиршество. Оба освежеванных зубра дали огромное множество требухи, еще теплой. Хотя мальчишки и принесли из становища огонь и развели костер, у охотников не хватает терпения жарить мясо, и они поедают печень, желудок и прочие внутренности прямо сырыми.

Дети и женщины терпеливо ждут, пока мужчины насытятся. Но сегодня-то точно никто не останется голодным! Все наедятся до отвала.

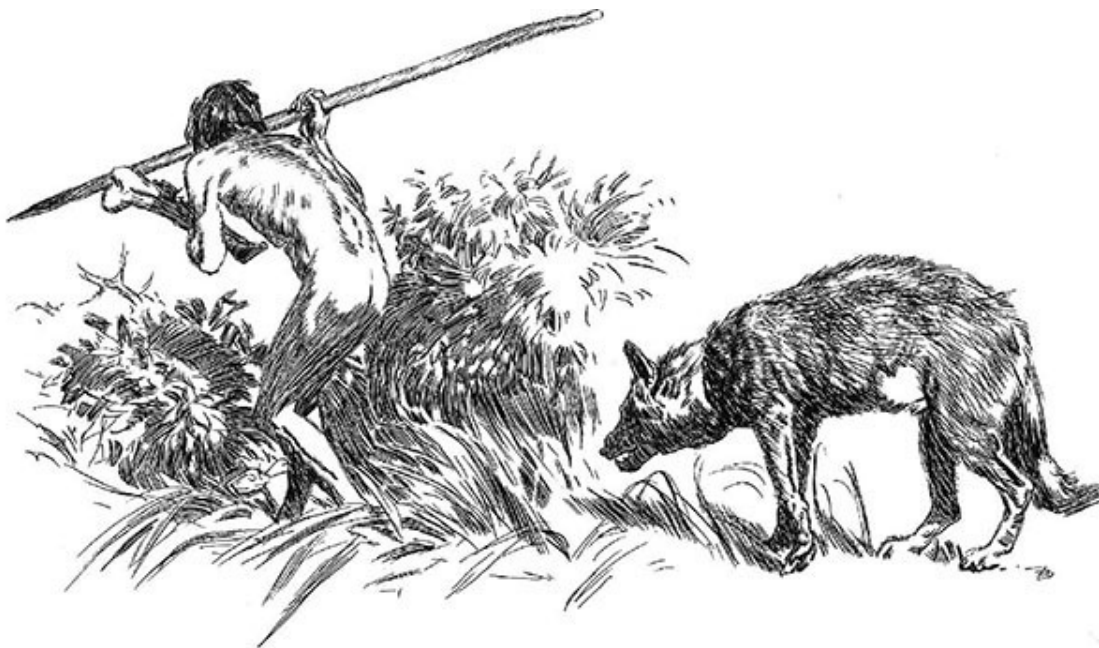
Мужчины дали женщинам снятую шкуру, и те тут же взяли за дело: разложили ее на траве и начали скрести острыми камешками, одновременно суя в рот соскобленные кусочки мяса. Меньшей шкурой занялись дети постарше и подростки.

За кустами затаивали лисы, привлеченные острым запахом крови и требухи. Бельчонок швырнул в них камнем, разозлился, что они не испугались, и помчался за ними с палкой, чтобы отогнать как можно дальше... Но охотники посмеялись над ним: оказывается, пока он гонял лис на одной стороне поляны, они появились с другой, норовя подобраться поближе к еде и урвать себе немного зубрятины. Тогда Бельчонок отказался от этого бесполезного занятия и только сердито пнул лису, нагло метнувшуюся ему под ноги.

---

⁵ Возможно, сидение на земле и было одной из причин этого, но в основном кривоноготь объяснялась нехваткой витаминов и крайне скудным рационом питания.

Другая лиса в это время схватила окровавленное копьё, лежавшее поодаль, и поволокла его прочь. Еще две плутовки побежали следом и принялись отнимать копьё у своей товарки, точно это было невесть какое лакомство.

Очень скоро у места пиршества собрались, кажется, все лисы, жившие в норах Павловских гор.

Каждый охотник держит в одной руке кусок мяса, а в другой – палку, чтобы отгонять назойливых хвостатых ворышек.

В кострище уже скопилась целая гряда раскаленной золы, так что можно запекать в ней большие ломти мяса, нанизанные на прутья. Все мужчины с ног до головы покрыты кровью. Они не смывают ее. Нет. Они гордятся своей кровожадностью! Многие нарочно размазывают кровь по телу и радуются тому, что лица у них становятся красными. Они ухмыляются, скалят зубы и выглядят устрашающе. Но им это ужасно нравится. По их мнению, чем больше на мужчине крови, тем удачливее он в охоте.

Копчем по-прежнему сидит под кустом и смотрит на воду. Он грызет запеченный в золе хвост добытого зубра: мясо он уже обкусал и теперь, громко причмокивая, высасывает костный мозг. Иногда он почесывает ногу, но явно бездумно, не обращая внимания на комаров.

Вдруг рядом что-то хрустнуло – и мальчик насторожился. Из кустов высунулась морда голодного волка.

Копчем вздрогнул от неожиданности, и волк спрятался. На помощь мальчик звать не стал – он уже большой! – а тихо встал и огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь оружия. Увидел несколько копий, воткнутых в землю. Взял одно и собрался уже вернуться обратно к кусту, но тут Лохмач – старый, однако же сильный и ловкий охотник – бросил ему хорошую необглоданную кость. Мальчик поймал ее левой рукой и пошел искать волка. Он несколько раз куснул мясо, оглядывая высокую траву за зарослями ольхи. Волка нигде не видно. Копчем пошел дальше по берегу... И тут – шелест, прыжок... Волк, мелькнув в траве, мгновенно выхватил кость из руки Копчема.

Не успел мальчишка опомниться, как дерзкий зверь скрылся в зелени. Напрасно Копчем грозил ему вслед копьём.

Ни в коем случае нельзя признаваться охотникам, что волк его провел. То-то бы они посмеялись.

Ну и ладно – подумаешь, кость... Да он вовсе и не голоден.

Стоянка охотничьего племени

Два дня пировало племя на берегу Дьи. Потом, прихватив с собой мясо и шкуры, оно перебралось обратно в стойбище.

Зубренку не повезло. Его хотели увести с собой и оставить на более голодные времена, но он был плохо привязан, так что ночью, испуганный волчьим воем, сорвался с привязи, убежал – и волки его растерзали. К счастью, мяса у племени было в избытке, поэтому о теленке не слишком горевали. Иначе сторожей бы строго наказали за то, что они зазевались и не уследили за животным.

Вокруг костра расселись женщины, которые готовят мясо впрок. Кости из него они уже извлекли и теперь нарезают зубрятину крупными ломтями. Много их наколото на ветки ближайших кустов – так они вялятся на солнце. Едоки даже жевать больше не могут: у них разболелись челюсти. Утомленные непрерывным обжорством, они теперь лениво развалились на траве у родника и возле шатров.

От костра, на котором женщины коптят куски мяса, привязанные к прутикам, тянет едким чадом. Две замурзанные девчуски, Злополучка и Палуша, как раз принесли и сложили возле огня охапки новых тонких веточек. Шкута протянула им обрезок мяса, но обе только сморщили носики, молча перепрыгнули через ручей и отправились рвать щавель за шатром Лохмача. А потом спустились к речке, где рос рогоз с его вкусными молодыми побегами и всякие болотные травы.

К костру подошел быстроногий Заяц с двумя гладкими, тщательно очищенными от коры палками. Заостренный конец одной из них он погрузил в раскаленную золу, а потом принялся шлифовать его – тереть о большой камень. Отличные выйдут у Зайца копыя!

Заяц тоже не взял у Шкуты жареное мясо – отвернулся. Да даже проходивший мимо Глотка, чья ненасытная утроба известна всему племени, оттолкнул руку Шкуты с ароматным ломтем мяса и пошел дальше, сопя и утирая с лица пот.

Никому больше не хотелось зубрятины, все уже наелись до отвала и жуют теперь щавель или полынь. Разве что вечером, когда пища переварится, охотники примутся выколачивать мозг из сложенных в кучу костей. Мозг, добытый из прокаленных костей! Нет на свете лакомства лучше! Такое может понравиться даже переполненному животу.

Дети куда шустрее взрослых охотников. Ни минутки не посидят спокойно. Бельчонок слепил из желтой глины фигурку зубра. Воткнул в нее четыре веточки – это ноги. И еще две – в голову: это рога.

Всем мальчишкам глиняный зубр очень понравился. Они отнесли его подальше от стоянки и устроили на него охоту. Смастерили себе луки и поползли к зубру, осыпая его стрелами, к кончикам которых смолой прилеплены острые обломки костей. Во время игры ребята соблюдали все охотничьи правила. Поднимали кверху обслюнявленный палец, чтобы определить, с какой стороны дует ветер, старательно прятались, ползли тихо-тихо, почти неслышно. Когда кому-то удавалось попасть в зубра стрелой, начиналось бурное ликование; стрела торчала в глиняном теле как доказательство охотничьей ловкости.

Мамонтенок, один из отважнейших ловцов племени, захотел пить и направился к роднику, который бил посреди стоянки, но, подойдя к нему, обнаружил вместо чистой воды грязное месиво. Мамонтенок бранился и сетовал, а лежавшие на траве охотники веселились и подначивали его.

– Ну что, Мамонтенок, нравится тебе эта жижа? – кричал Кунья Лапка, известный шутник.

– Ты там смотри все не выпей! – вторил ему Визгун.

Мамонтенок обвел всех укоризненным взглядом и сказал презрительно:

– Все топтались по роднику. Теперь никто не будет пить воду. Упрямец не пить, Визгун не пить – никто! Это плохо, река далеко...

Его слова подействовали. Только сейчас охотники сообразили, что они натворили. Каждый из них ходил запивать сытную пищу, каждый топтался на роднике. И, как обычно, никто не задумался о будущем. Мамонтенок напомнил им, что они по легкомыслию лишили себя источника чистой воды в самом стойбище. После этого все немедленно принялись, сердито оскандившись, кидаться камешками, дерном и всем, что попадалось под руку, пытаясь выяснить, кто виноват в случившемся. В общем, повели себя как малые дети.

Мамонтенок же тем временем, не обращая внимания на ругавшихся соплеменников, нашел большую и плоскую лопаточную кость и начал выгребать из родника грязь. Волчий Коготь и Укмас тут же пришли ему на помощь. Юркая Жабка и черноволосая Палуша руками копали канавку, чтобы грязной воде было куда вытекать. Это пришлось по душе и другим ребятам, так что скоро вокруг родника кишмя кишела детвора.

Мамонтенок подкатил валун и поставил его на краю источника, а потом добавил еще несколько камней, чтобы земля и песок не замутили воду, когда кто-нибудь, решив напиться, опустится возле нее на колени⁶. Что ж, значит, у племени опять будет чистая вода!

---

⁶ Родник, обложенный камнями, был обнаружен в 1937 году на стоянке вестоницкого племени на глубине пяти метров. – Примеч. автора.

Вынутая из родника грязь очень пригодилась ребятишкам, которые немедленно ею вымазались. Теперь комары и мошки им не страшны! Особенно радовались мальчишки – им казалось, что это делает их похожими на взрослых ловцов после удачной охоты. Девочки же намазали себе только лица, ограничившись на теле парой-другой полосок – для красоты.

Податливая желтая глина пошла у детей на всяческие поделки. Они вылепили фигурки разных зверей, так что скоро на ближайшем скальном выступе их стояло уже целое множество⁷. Жабке лучше всего удавались медведи. Один поднялся на задние лапы, второй карабкался по скале, третий чесал лапой затылок. Крушанка же лепила лисичек с длиннющими хвостами.

Тут примчался Бельчонок – мальчишки успели уже расколотить его зубра, так что он тоже принялся за работу. Он решил сделать огромного мамонта. Однако бивни у юного скульптора никак не получались. Предварительно мальчик хорошенько раскатывал глиняные колбаски по своему бедру, но стоило ему прилепить их к мамонту, как они сгибались и отваливались. Наконец Бельчонку это надоело, и он отбросил бивни в сторону: мамонт остался без них. Он и так получился красивым – девочки, во всяком случае, твердили это в один голос.

Потом Бельчонок вновь принялся за зубра. Глины у него оставалось не так уж много, поэтому он сделал лишь голову. Но та зато вышла на славу! Даже взрослые охотники пришли полюбоваться творением Бельчонка. Мамоненок сказал, что жалко было бы просто ее выкинуть, и положил поделку в раскаленный пепел костра, чтобы обжечь глину. Теперь она сохранится надолго и поможет племени подманывать зубров, когда опять настанет голод.

Возле своего жилища из шкур, в сторонке от прочих охотников, сидел примолкший Ньян. Он острым кремнем вырезал что-то из обломка бивня мамонта.

---

⁷ Фигурки зверей из обожженной глины были обнаружены при раскопках в 1924–1925 и 1934–1935 годах. – *Примеч. автора.*

Ему час от часу все грустнее: все больше недостает ему Нианы. Он хочет позвать ее – и вспоминает, что жена умерла. Сразу после несчастья он отнесся к нему спокойно, точно волк, потерявший в схватке подругу. Но сейчас его все сильнее обуревают чисто человеческое чувство – потребность в ком-то близком, которого никем нельзя заменить. Да, конечно, Ниана была всего лишь его помощницей и не была ему ровней, но Ньян понимал, что она значила для него больше, чем простая рабыня. Он не умел выразить это словами, однако ощущал гнетущую тоску, переполнявшую все его существо.

Он безмолвно поднялся и медленными шагами удалился от шатра. Охотники, по-прежнему валявшиеся на траве, заметили, что ушел Ньян без топора или копья. Это было необычно. Ни один мужчина не покидает стоянку без оружия, даже если уходит совсем ненадолго. Охотники посмотрели вслед Ньяну, переглянулись, но не произнесли ни слова. Продолжили жевать травинки.

Ньян бродил вокруг стойбища и наконец оказался у одного из рукавов Дьи. Вот оно как, под кустом ольхи кто-то сидит! Наверное, рыбу подстерегает...

Ньян молча прошел мимо. Но потом решил все же заглянуть под куст... Да это же Копчем, один из его сыновей.

Ньян заскулил.

Задумавшийся мальчишка резво вскочил, но узнал соплеменника и улыбнулся.

Ньян остановился.

Отец и сын смотрели на блестящую водную гладь.

Копчем мокрыми глазами взглянул на охотника, который долго был вместе с его матерью и вроде бы приходился ему отцом.

Ньяну не хотелось разговаривать с сыном, так что он повернулся, чтобы уйти. Копчем шагнул на край берега и захныкал. Он указывал рукой на воду.

Только теперь Ньян понял, что стоит над болотистой заводью, где погибла его подруга. Да, это случилось как раз здесь...

Копчем все не опускал руку. Что там?

Ньян взгляделся повнимательнее – из воды торчала какая-то ветка. А может, и не ветка, а...

Он зашел в воду.

И тут же погрузился в тину, ощутил, как бегут вверх по его ногам мелкие пузырьки. Забыв об опасности, он сделал еще несколько шагов. Нащупал в воде толстые ветви – они остались тут после охоты на зубров. Подтянул их к себе и использовал для опоры, чтобы продвигаться чуть-чуть вперед. Идти было все труднее.

Копчем увидел, что Ньян все глубже погружается в трясину, и вбежал в воду следом за отцом. Он протянул взрослому ветку, чтобы тот мог ухватиться за нее. Не то чтобы он испытывал к Ньяну сыновние чувства: он сделал бы это для любого члена племени. Копчем был привязан лишь к матери, что с младенчества заботилась о нем. Отцом и защитником было для него все племя. Копчем – сын своего племени, как и Бельчонок, Жучок, Копуша, Цебик, Лыба и все прочие мальчишки и девчонки, каждый из которых знает только свою мать и думать не думает о своем отце. Любого ребенка защищает все племя – это надежнее, чем защита одного-единственного мужчины.

Хотя Ньян и называл Копчема сынком, тот относился к этому совершенно равнодушно, как если бы ему крикнули, к примеру: «Эй, ты, неряха!» Тем не менее он ценил Ньяна как ловкого охотника, одного из первых в племени. И если Ньян – его отец, что ж, тем лучше.

Из задумчивости Копчема вырвал возглас:

– Ниана...

Ньян схватил утонувшую жену за волосы и подтащил к себе. Его ноги еще глубже погрузились в вязкий ил... и скоро Ньян стоял уже по горло в грязной воде.

Копчем торопливо подобрался к отцу и кинул ему длинную толстую ветку. Ньян сумел ухватиться за нее, и мальчик, собрав все силы, потянул отца из трясины. Он стоял на целой охапке веток и сучьев, ему было на что опереться, и поэтому Ньян спасся. Потом они уже вместе вышли на берег и положили мертвую Ниану на цветущую лужайку.

Переведя дух, Ньян взвалил покойницу на спину.

Мамонтенок с гордостью оглядывает дело своих рук. Вода в роднике опять чистая. Охотники по очереди опускаются на колени и жадно ее лакают. Теперь все хвалят Мамонтенка за сообразительность.

Времени после еды прошло достаточно, так что мужчины вновь рассаживаются вокруг кострища и раскаляют в золе обглоданные кости. Потом их еще горячими разбивают и, причмокивая, высасывают костный мозг. Облизываются, радуются – и отдают кости женщинам и детям: пускай выскребают остатки.

– Хэй-уа-о!

Удивленные возгласы разнеслись над стоянкой племени. Откуда ни возьмись объявился Копчем, а следом за ним – медленно шагавший Ньян с мертвой Нианой на плечах.

Мужчина положил тело, огляделся по сторонам... И окружающие глухим ворчанием дали понять, что одобряют действия охотника, который пришел, чтобы похоронить свою жену, как это и подобает члену славного и могучего племени. Никто даже не спросил, как ему удалось извлечь тело из заводи.

Ниана была хорошей женщиной, а Няян – ловец хоть куда. Значит, Ниана по-прежнему останется в племени и будет и после смерти участвовать в его жизни. Ее похоронят в кострище – так связь покойной с соплеменниками не прервется.

Ньян, Волчий Коготь и Мамонтенок, не сговариваясь, взяли тело женщины и поместили на раскаленные угли. Няян снял у себя с шеи красивое ожерелье и положил рядом с мертвой. Это была настоящая гирлянда из просверленных лисьих и волчьих зубов, нанизанных на тонкий ремешок. Няян очень гордился своим украшением из охотничьих трофеев, которое он мог целых два раза обернуть вокруг шеи.

Каждый член племени хотел заручиться на будущее расположением и поддержкой Нианы и потому шел к погребальному костру с подарком. Покойнице бросали кремневые ножи, скребки, украшения из ракушек, мелких косточек и клыков... Некоторые принесли из шатров свои любимые игрушки – яркие камешки, чем-то приглянувшиеся и потому подобранные в том или ином охотничьем походе. Все это лежало теперь на теле Нианы.

Ньян приволок огромную лопаточную кость мамонта и прикрыл ею мертвую жену. Затем все присутствующие забросали место погребения глиной⁸. После того как очистили родник, ее осталось немало. Люди несли даже целые пласты дерна – так что скоро Ниана скрылась под слоями земли и глины.

К небу тянулся столб белого дыма.

Вдруг Копчем захныкал и ухватился за длинную тлеющую ветку. Отойдя в сторонку, он принялся старательно дуть на нее. Только тогда все племя заурчало, хваля Копчема: ведь они чуть было не позабыли сохранить огонь! Хорошо, что Копчем спас его! Умный парень!

Взрослые мигом подскочили к нему, подложили сухой травы. Она тут же разгорелась. Теперь можно смело кормить пламя дровами – оно уже не погаснет.

Холм над прежним кострищем все рос да рос. Охотники копали глину оленьими рогами и широкими лопаточными костями и носили ее к могиле в кожаных мешках. Дети тоже помогали взрослым. Дым, поднимавшийся из могилы, все слабел, истончался, но полностью не исчезал...

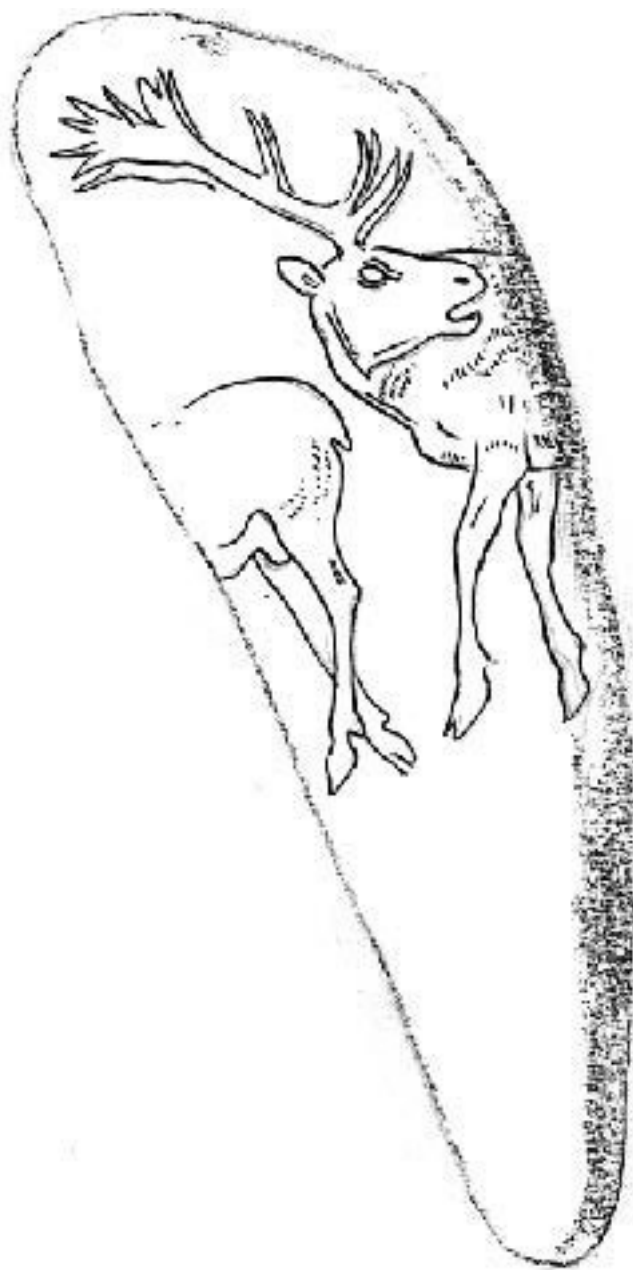
Солнце заходит...

⁸ Подобная могила была обнаружена 4 ноября 1927 года. – *Примеч. автора.*

Ньян одобрительно кивнул: холм уже достаточно высокий.

И вот все дружно расселись вокруг могилы и начали петь. Хотя это были скорее грубые, на разные лады выкрики, однако же их объединяло общее чувство. Вскоре пение обрело некий ритм, и, повинувшись ему, охотники принялись раскачиваться из стороны в сторону.

Вдали послышался вой волков и гиен. Над Павловскими горами нависла черная туча, от реки повеяло свежестью.

Вестоницкая Венера

Копчем остался у нового костра. Сидя на камне, он подкладывал в огонь поломанные ветки и ненужные обломки костей и смотрел на сизый дым. Его клубы подымались вверх, тая в вышине.

Он просидел у костра целый день, и теперь все племя знало, что Копчем – новый хранитель огня, хотя вслух этого так никто и не сказал. Помощником у него Огнош, мальчик годом помладше. Женщины натаскали целую грудку дров, так что Копчем может спокойно предаваться раздумьям.

У огня есть огромная сила. Он всех способен одолеть. Прогоняет зверей. Жарит мясо. Согревает. Без огня нельзя пережить зиму... а ведь еще чуть-чуть – и племя бы его лишилось! Глина душит огонь. И дождь может залить костер у забывшегося племени. Пламя надо беречь, охранять. Если оно погаснет, его уже не оживить.

Отныне Копчем будет старательно оберегать огонь. Его костер никогда не погаснет. Ведь это огонь его матери, Нианы. И она тоже никуда не исчезнет. Она внутри этого огня. Пока пылает пламя, пока вздымается кверху белый дым, Ниана жива и поднимается вместе с ним к небу над огнем, взятым с ее могилы.

Копчем подобрал в костер очередную охапку хвороста и залюбовался повалившимися от него клубами дыма.

Вот ведь странно: он только что положил дрова в огонь – а их уже нет. Остались лишь зола да дым в вышине. Удивительное превращение! Никто такого не понимает. В точности как у человека: тело лежит недвижно, а дух поднимается вверх и в конце концов тает. Тогда говорят: «Он умер!» Дух расстался с телом, как дым с дровами, и никогда больше не вернется. Кто умер, тот не дышит.

Счастливо племя, обладающее огнем. Взрослые охотники рассказывали, как однажды во время трудного путешествия их племя лишилось огня, когда переходило речку. Охотник, который нес тлевшую головешку, упал в воду – и огонь утонул. Какая же страшная пора настала тогда для всех людей! Много дней и ночей миновало, прежде чем встретилось им другое племя и поделилось своим огнем – за целые кипы шкур. В ту лютую зиму не один человек погиб от холода, диких зверей или недуга, прятавшегося в сыром мясе. Беда без огня!

А если бы и у того, другого племени огонь погас? А если бы наше племя встретило племя без огня или вообще вражеское? Так и остались бы наши люди без огня и в окружении всяческих несчастий...

К спокойно пылавшему костру подошел Укмас с куском мяса. Он немного побил его зубровой костью, а потом выгреб из огня раскаленный камень и положил мясо на него. Сел к «печке» и ждет, пока еда приготовится. Обхватил скрещенные ноги руками, склонил голову к самым коленям. Волосы, связанные ремешком, пучком торчат вверх.

Охотник жестом указал на беспорядок вокруг костра. Огнош тут же схватил несколько хвойных лап и принялся сметать поближе к огню потухшие угольки. Копчем тоже подтолкнул палкой несколько крупных головешек. Он был рад, что Укмас не надавал им подзатыльников, как это сделали бы, рассердившись, другие охотники: ведь кто-то запросто мог бы наступить или даже сесть на непотухший уголек. Вот почему вокруг костра должно быть чисто, никаких тебе головешек и тлеющих веток.

Укмас не обращает больше на мальчишек внимания.

Копчем откашлялся и плюнул – как можно дальше. Он видел, что так делают взрослые охотники. А потом сказал Укмасу:

– Без огня жить нельзя. Огонь всегда рождается от другого огня.

Укмас молчит, не сводит глаз с куска мяса, которое уже подрумянилось.

Копчем ткнул пальцем в сторону своего замечательного костра:

– Дождь на огонь – огня нет. Никакого огня нет. Нигде нет огня – что делать?

Охотник его точно не слышал, только косился изредка. Прикидывал, достойно ли будет вступить в серьезный разговор с таким молокососом. Экая дерзость для мальчика – первым обратиться ко взрослому охотнику!

Однако Укмас все же заговорил – после долгих раздумий. Наверное, ему пришлось по душе мальчишеское любопытство.

– Огонь – великое чудо. Копчем молодой, но уже знает, что от кремня отлетают искры. Кремень и камень – хрусть-хрусть! – и летают искры. В кремне огонь – но зажечь искрой трудно. Этого не умеет никто – только великий старейшина Седой Волк. Но Седой Волк уже не вождь племени. Он не добывает огонь. Седой Волк покинул свое племя. Много зим назад...

Слова давались охотнику с трудом. Он долго подыскивал их – те, что могли выразить его мысли. Иногда так и не находил – и тогда приходилось объясняться жестами. Давно Укмас не произносил столь длинной речи. Даже утомился. Перевернул свой кусок мяса на камне и опять склонил голову к коленям.

Копчему было о чем поразмышлять. То, что от кремня летят искры, знает любой ребенок. Копчем и сам видел это много раз, когда охотники точили ножи, скребки и острия стрел. Он тоже делал себе ножики для мяса или скребки для шкур и замечал отлетающие от кремня искры. Их бывало множество, но они ничего не поджигали. Да, это правда, что в кремне сидит огонь, однако лишь Седой Волк знал тайну добычи его из искр. А Седого Волка давно нет в живых – Копчем его даже не помнит.

Укмас насадил мясо на обломок кости и ушел к своему шатру.

Копчем швырнул камень обратно в костер и подложил туда дров.

Вдалеке послышался свист Бельчонка. Это было явное приглашение поиграть. Копчем поднял вверх руку в знак того, что не придет – не может. Он должен исполнять свой долг.

– Огнош, принеси осколки кремня!

Мальчик побежал к скале, под которой охотники обычно занимались изготовлением каменного оружия и всяческих инструментов, и подобрал несколько кусков кремня.

Копчем выбрал самые большие. Начал бить их друг о друга. Смотрел на искорки, пробовал поймать их сухим мхом. Пламя не показывалось. Не знает Копчем его секрета...

Женщины опять принесли запас дров. И прогнали Копчема и Огноша прочь. Теперь возле костра будут сидеть они. Им надо коптить и сушить остатки зубрятины и готовить мужчинам еду.

Трещотка и Крушанка пошли к яме, где хранились запасы мяса. Она была совсем рядом, в нескольких шагах от старого кострища, ставшего могилой для Нианы.

– Что это? – Крушанка удивилась, заметив, что лапник, прикрывавший яму, разбросан. Она откинула ветки и всплеснула руками.

Трещотка, взвизгнув, принялась хлопать себя по бедрам.

От костра прибежали женщины, заглянули – в пустую яму. Ни единого кусочка мяса! Только какие-то крошки на самом дне.

– Нет мяса! Ох, ох!

Причитания женщин услышали охотники и тоже помчались к яме. Яма опустела!

Мужчины с покрасневшими от гнева лицами скалились, скрипели зубами, кричали, высоко подпрыгивали.

Мамонтенок внимательно оглядел землю вокруг ямы, опасаясь, что охотники все тут затопчут, и нашел отпечатки широкой лапы, похожей на медвежью, но поменьше.

– Росомаха! – воскликнул опытный Мамонтенок.

– Росомаха! Росомаха! – кричали мужчины и женщины и хором проклинали ночного вора.

Все знали этого ловкого зверя, безбоязненно проникавшего куда угодно – даже в человеческое стойбище, даже в шатры с их спящими обитателями – и пожиравшего все съестное.

Племя осталось без обеда.

Кто сторожил мясо в эту ночь? Плохие сторожа! Они не заметили, что вор пробрался в становище! Пускай немедленно отправляются на охоту! Горе им, коли воротятся без добычи.

Вопли ярости неслись над стоянкой вестонических ловцов.

Двое провинившихся сторожей уходят понурившись, осыпаемые градом насмешек.

Почти тут же Мамонтенок, Волчий Коготь, Укмас и еще несколько хороших охотников вооружаются дубовыми и ясеновыми копьями, а также острыми, с гладкими рукоятями топорами. Они тоже отправляются на охоту, не полагаясь на неудачливых сторожей.

Племя нуждается в новых запасах. Иначе – голод.

Ньян с самого утра сидит перед своим шатром, не обращая внимания на поднявшуюся суматоху. Возможно, он даже не знает о коварной росомахе.

Перед Ньяном лежит на плоском камне кучка глины – он лепит из нее какую-то фигурку. Дважды уже он швырял ее оземь, потому что ничего у него не получалось, и вот теперь – третья попытка. На этот раз он добавил в глину горсть растертых в порошок костей мамонта. Они во множестве валяются вокруг шатров, и Ньян раздробил их, положив на заячью шкуру. Прокаленные в огне кости поддавались легко, так что Ньяну даже не пришлось слишком сильно бить по ним камнем. Возле него воткнул в землю рог зубра, наполненный водой.

Фигурка высотой в пядь напоминает человека: голова, толстое тело, две ноги до колен. Руки лишь чуть обозначены, а вот с туловищем Ньяну пришлось повозиться. Он работает тонкой костью, тщательно разглаживая поверхность фигурки и время от времени смачивая ее водой. Особенно выделяются большие груди. Острием палочки мастер намечает пупок. На голове – две косые полоски: это глаза. Вот теперь готово!

Подошел Копчем и с интересом взгляделся в фигурку. Ньян взял ее, вытянул перед собой руку и удовлетворенно осклабился.

– Мама! – воскликнул Копчем.

Он узнал Ниану.

Отец кивнул и понес фигурку к костру – обжечь. Откинул в сторону несколько горящих поленьев, веткой вымел из получившейся ямки угольки, чтобы они не впились в сырую глину, и уложил на чистое место свое изделие. Сырость быстро испарялась, так что от фигурки даже повалил белый дымок. Жар сделал фигурку твердой и слегка красноватой.

Копчем вызвался последить, чтобы никто ненароком не повредил фигурку. Он опять взял на себя обязанности хранителя пламени. Скоро и Огнош прибежал: ведь женщины давно отошли от костра, потому что жарить им было нечего, и огонь никто не оберегал.

Ньян тоже это заметил и принялся браниться. Нельзя оставлять костер без присмотра!

Вот так оно и бывает, когда каждый в племени делает что заблагорассудится. Ньян ругался в голос, чтобы все его слышали. Никакого порядка! Сторожа – ротозеи, племя лишилось запасов мяса, на охоту все ходят, когда захотят и куда захотят, рыбу никто не ловит, шкуры плесневеют и портятся, лукошки, где должны храниться ягоды на зиму, пусты...

Некоторые охотники, согласные с Ньяном, присоединились к нему. Они отлично понимали, что нельзя племени без вождя, который был бы таким сильным и строгим, что – пускай даже и насилием – добился бы послушания.

Прежний старейшина доказал свое право командовать, победив в схватках всех мужчин-соплеменников. Когда же его растоптал раненый мамонт, никто не занял место старейшины – не нашлось в племени подобного силача. Любая попытка кого-то из мужчин стать предводителем проваливалась. Привыкшие к воле охотники не хотели никому подчиняться. Они готовы были склониться лишь перед сильнейшим – ум в расчет не принимался.

Плохо придется племени, если начнутся среди его членов ссоры и раздоры!

Женщины в подобные споры не вмешивались, но криками выражали свое согласие с жалобами и нареканиями мужчин. Они чувствовали, что племени грозят беды и голод.

– Нянь, стань главным! – крикнули сразу несколько охотников, жестами предлагая всем прочим согласиться на это.

Нянь усмехнулся и ответил:

– Нянь – не старейшина, у Няня нет женщины. У Няня будет женщина – Нянь старейшина!

Все поняли, что Нянь отказывается возглавить племя. К тому же, добавил он, не все члены племени сейчас в стойбище. Другие охотники обидятся, если такое важное дело решится без них. Они начнут возражать, и тогда не миновать нового разлада.

После этого мужчины решили обсудить все вечером, у общего огня, а пока занялись разными делами. Одни чинили и точили кремневые ножи, другие мастерили копья и обтачивали их острия, думая о завтрашней охоте.

Нянь ушел в свой шатер и стал заниматься кое-чем непривычным: уборкой. Мужчина вынес из шатра все шкуры, чтобы они проветрились; некоторые оказались заплесневевшими. Среди них заваялся большой широкий нож, сделанный из ребра мамонта. Нянь взял его за рукоятку, взмахнул над головой, да так быстро, что даже свист раздался. Потом присмотрелся к оружию повнимательнее и понял, что неплохо бы заточить его о камень.

Не раздумывая, охотник сделал это, а потом уселся за шатром на траву и принялся острым осколком кремня выцарапывать что-то на гладкой поверхности ножа. Так это же зубр, пасущийся на лужайке! Нянь перевернул нож, провел вдоль него длинную черту и изобразил на двух ее концах по лошадиной голове. Работая, он хрипло напевал что-то. Охотник был явно доволен.

Женщины, глядя на Няня, тоже вытащили из шатров шкуры и, греясь на солнышке, начали украшать свою одежду. Они пришивали к кожаным фартукам ракушки и разноцветные шnurки. Пользовались они для этого толстыми нитями из оленьих жил. Сначала надо было проткнуть кожу кремневым шилом, а потом протянуть сквозь отверстие гладкую костяную иглу. Расстояние же, если было нужно, они измеряли расставленными пальцами.

Когда женщины трудятся, они непременно поют:

– Ганга – а – га —
йа – га – а!

Девушки вторят этой песне такими же монотонными высокими голосами:

– Айяя – айяя,
ойяя – ойяя!

Они могут петь так все время, пока заняты работой.

Копчем принес отцу обожженную в огне и уже остывшую статуэтку. Она вышла хорошей, не треснула от жара.

Ньян намазал ее жиром и растер по ней чуточку пепла, а потом повесил в своем шатре⁹. Теперь жена всегда будет с ним, и он не останется в одиночестве.

Ближе к вечеру вернулись охотники. Добыча их оказалась небогатой: две лисицы, которых редко кто ест, да олененок.

---

⁹ Эту редкость нашли в 1925 году, и в мире она известна как Вестоничская Венера. – *Примеч. автора. Вестоничская Венера* – одна из многих так называемых палеолитических Венер, обнаруженных к началу XXI века на территории Евразии. Однако Вестоничская Венера – древнейшая из известных нам керамических статуэток. Ее высота 11,1 см, а ширина 4,3 см. Любопытно, что на ней найден отпечаток детской руки, оставленный перед обжигом. Хранится Венера в Моравском музее города Брно.

Мамонтенок с товарищами принес двух сурков с Павловских гор, двух некрупных зайцев и нескольких куропадок.

У вечернего огня шел разговор о новом предводителе. Причем шел весьма бурно. Мужчины в один голос жаловались на дурные порядки в племени, но немедленно начинали ссориться, когда кто-нибудь предлагал способ все поправить. Охотники соглашались с теми, кто говорил о необходимости выбора нового вождя, но стоило лишь прозвучать какому-нибудь имени, как тут же поднимался страшный гвалт. Недостатки находили у любого.

– Этого не хотим! – всякий раз кричали охотники.

Никто не хотел слушать соплеменников и подчиняться решениям других охотников. Каждый защищал то, что сам считал единственно верным. Все сердились, перебивали друг дружку, говорили одновременно, так что скоро собрание стало напоминать свору громко лающих псов. В конце концов все разбрелись по шатрам, не приняв никакого решения. Из некоторых жилищ долго еще слышалось недовольное бурчание тех, кто никак не мог забыть, что, как он хотел, не вышло.

– Я сторожу ночью! – заявил Мамонтенок оставшимся у костра охотникам. Он страшно злился на росомаху и хотел нынешней ночью выследить ее. – Кто со мной? – спросил он.

Тут же поднялся старый Лохмач и подошел к Мамонтенку.

Острый на язык Визгун крикнул от своего шатра:

– Лохмач сторожит? У росомахи радость!

Но на эти злые слова внимания никто не обратил. Все знали, что Визгуна лучше не трогать.

Копчем с верным Бельчонком притащили несколько шкур и устроились перед шатром Няяна. Они тихо переговаривались – тоже хотели поохотиться ночью на росомаху. Даже приготовили новые копья с острыми костями на концах.

Стойбище засыпало.

Мамонты

До утра в стойбище ничего не пропало. Сторожа были начеку.

И все-таки зловредный Торопыга кое-что обнаружил. Сначала он шнырял по всему становищу, а потом объявился возле общего костра, крича:

– Росомаха унесла Ньяна! Росомаха украла Ньяна!

И действительно, Ньян как сквозь землю провалился, хотя, может, росомаха его и не уносила. Он не вернулся ни к вечеру, ни на другой день, ни еще через день.

Никаких иных новостей в племени не было. Установить порядок никому не удавалось, и старшие охотники безуспешно пытались договориться друг с другом.

Неподалеку от стоянки промчался лошадиный табун¹⁰, но ловцы спохватились слишком поздно, так что добыча ускользнула. Потом они долго еще обменивались взаимными упреками – почему, мол, никто не догадался расставить на окрестных холмах дозорных, которые бы вовремя сообщили о приближении животных.

В другой раз Дью переходил мохнатый носорог, но он учуял людей раньше, чем его заметили, и быстро убежал.

Мужчины опять переругались между собой, валя вину то на одного, то на другого. Волчий Коготь не мог больше слушать эту брань, так что сказал, что будет вместе с Зайцем держать дозор на холме. Лохмач и Укмас решили пойти к реке. Но прочие мужчины продолжали

---

¹⁰ Речь в книге идет, разумеется, не о современных лошадях, а о предках знакомой нам домашней лошади – диких лошадях. Их бесчисленные табуны паслись в Европе и Азии, преодолевая многие сотни километров в поисках вкусной травы. Но так было в самом конце ледникового периода. Затем климат изменился, степи были вытеснены лесами, первобытные охотники истребляли животных все беспощаднее, и около 4000 лет назад дикие лошади стали в Европе редкостью.

спорить о том, куда следует отправляться на охоту и кто именно возглавит охотников. Каждый настаивал на своем и не желал слушать других. Визгун и Кунья Лапка, по обыкновению, поднимали всех на смех, и некому было заставить их умолкнуть. Все до единого были злы и воинственны, но не нашлось в стойбище мужчины, кому остальные согласились бы подчиниться.

Все понимали, что в племени должны наконец воцариться мир и лад, но вот как этого добиться, если никто не хочет, чтобы им командовали?

Было ясно, что разногласия вредят племени и вот-вот может случиться нечто дурное. Так оно и оказалось.

Наступили тяжкие голодные дни. Хорошо еще, что недавно люди вдоволь наелись зубрятины, а то, пожалуй, они бы и умирать начали.

Ньян отсутствовал уже больше недели, и никто не знал, куда он подевался. С ним произошло несчастье? И теперь волки грызут неведомо где его кости?

Однако Ньян вернулся в стойбище так же внезапно, как исчез. Выбившийся из сил, окровавленный, он едва держался на ногах. За собой он волок на ремне молодую женщину со связанными руками.

Поглядеть на это сбежалось все племя. «У Ньяна есть женщина! У Ньяна есть женщина!» – неслись над стоянкой взволнованные голоса. Давненько не случалось тут ничего подобного.

Ньян упал на колени возле родника и долго жадно пил. Потом поднялся и, даже не вытерев стекавшую по бороде и усам воду, принялся развязывать женщине руки, сказав коротко:

– Шчекта!

Это было имя новой жены Ньяна.

Охотники ждали, что Ньян расскажет о своих приключениях и о том, как он добыл себе женщину, однако Ньян молча опустил на валун. То, что ему пришлось многое испытать, было ясно по его виду, но все же о чужачке и ее племени Ньяну поведать следовало. Вдруг он похитил женщину, принадлежащую к могучему племени, которое этим недовольно и потому потребует большой выкуп?

Охотники расселись на траве в ожидании рассказа Ньяна. Похищенная женщина, Шчекта, тоже выглядевшая усталой, села рядом с валуном. Она переводила спокойный взгляд с одного охотника на другого и казалась смирившейся со своей участью. На ней не было ничего, кроме мехового пояса, напоминавшего короткую юбочку, и ожерелья из костяных кругляшковых. А вот на ее лице было кое-что примечательное: на подбородке виднелось несколько черточек – шрамов. Все обратили на это внимание и поняли, что так помечают себя члены племени, к которому принадлежала Шчекта. Но что это за племя, никто не знал, до сих пор охотникам видеть такие шрамы не доводилось.

Женщины же заинтересовались прической Шчекты. Здесь было принято распускать волосы, так что они свободно падали на плечи и спину, – разве что иногда их перехватывали кожаным ремешком. А эта чужачка убирала волосы так непривычно и так искусно, что женщины просто обязаны были рассмотреть ее прическу как можно внимательнее. Подойдя к новой жене Ньяна, они касались ее головы, вертели ее из стороны в сторону и громкими воз-

гласами выражали свое удивление. Волосы Шчекты были заплетены во множество косичек, которые к тому же соединялись между собой полосками кожи.

– Ой-ой-ой! – восклицали женщины.

– Плохая прическа! – заключила в конце концов ленивая Шишма. – Вшей из волос вынимать неудобно.

– Верно! – согласились после некоторого раздумья остальные.

И необычная прическа Шчекты им тут же разонравилась.

Ньян уже отдохнул. Он встал и объявил во всеуслышание:

– Мамонты, мамонты, мамонты!

Племя мгновенно ожило и разволновалось. Как это? Ньян видел мамонтов? Много мамонтов? О, какая прекрасная добыча! И такая нужная!

– Ньян, где мамонты?

– Они идут сюда?

Выкрики и вопросы так и сыпались.

Ньян снова заговорил. И тут же воцарилась тишина.

– Мамонты идут сюда – много мамонтов – близко!

Все племя возликовало. Охотники прыгали, валялись по земле, кувыркались, хлопали в ладоши и смеялись от радости. Опять настанут сытные времена! Мяса будет в избытке!

Однако опытные ловцы – Лохмач, Укмас, Волчий Коготь, Мамонтенок и некоторые другие – присоединяться к общему веселью не торопились. Они понимали, что весть о приближающихся мамонтах вовсе не обязательно предшествует удачной охоте. Мамонты могут перебраться через Дью совсем в другом месте, далеко от стойбища племени... А главное, мамонты – это не зайцы и даже не олени, поймать мамонта – задача сложная, готовиться к охоте следует долго и основательно.

Но бóльшая часть племени рассуждать не желала и не умела и вела себя так, будто мамонты уже оказались в ловушке. После длительных и бурных споров было решено, что несколько человек отправятся на разведку, несколько поднимутся на холм, чтобы оттуда обозревать окрестности, а прочие займутся подготовкой к серьезной охоте.

Разведчиков возглавил следопыт Лохмач. Ньян объяснил ему, откуда движутся мамонты; если ничто их не задержит, они будут здесь уже сегодня.

Волчий Коготь повел людей на холм.

Оставшиеся мужчины принялись советовать о том, какой именно способ охоты выбрать. Копать ямы-ловушки времени уже не было, значит племени остается одно: храбро накинуться на отставшего мамонта и нанести ему копиями как можно больше ран, чтобы он потерял много крови, ослабел и упал. После этого им займутся женщины, а охотники будут и дальше преследовать стадо и, если повезет, сумеют повалить еще одного, а то и двух зверей. Но надо соблюдать основное правило: нападать дружно, вместе, со всех сторон. Как только мамонт набросится на одних охотников, другие должны со всей силы колоть его копиями, чтобы спасти единоплеменников от верной гибели.

Охота обещала быть очень опасной: разъяренный мамонт может схватить человека своим огромным жутким хоботом и ударить о землю или растоптать мощными толстыми ногами. Такие истории часто рассказывались у общего костра.

Однако опасность совсем не страшила охотников, а, наоборот, привлекала, манила к себе. Чем она грознее, тем больше славы достанется победителю.

Совет уже заканчивался, когда у Мамонтенка неожиданно появилась новая идея. Он громко и радостно выкрикнул:

– Зубры в трясине – мамонты в трясине!

Этим он хотел сказать, что племени удалось загнать зубров в топь и там легко их одолеть. Значит, так же можно поступить и с мамонтами!

Какое-то время охотники взвешивали это предложение, а потом дружными воплями одобрили его. Да, правильно, они загонят стадо в предательскую трясину и без особых усилий добудут сразу несколько мамонтов!

– Гойа-гойа-гойа! Мамонты в болоте!

План Мамонтенка был принят, и охотники начали проверять свои копья и изготавливать новые – острые и прочные: их должно было потребоваться немало. Все рыскали по стоянке в поисках дубовых, ясеневых и грабовых палок и, найдя, обтачивали их концы, обжигали острия в огне, а потом шлифовали о камень.

Визгун ходил между шатрами и твердил, что только смелый и сильный вождь способен установить в племени порядок и повести людей к успеху. В одной руке он держал три копья, а в другой – тяжелый и острый каменный топор. Этим топором он размахивал над головой, привлекая к себе внимание и крича, что нет в племени никого, кто сумел бы с ним, с самим Визгуном, справиться.

Болтливая Трещотка льстиво заметила, что вот ему бы и сделаться вождем племени. Визгун польщенно усмехнулся, но повторять ее слова и соглашаться с ними не стал: время пока было неподходящее.

Вдалеке послышалось троекратное уханье.

Волчий Коготь подавал с холма условный сигнал.

Мамонты близко! Всем приготовиться, начинается большая охота!

Никто из членов племени не думал в тот момент о ссорах и сваргах: теперь все были заодно. Один человек слаб и ни на что не способен. Успеха на охоте можно достичь лишь сообща. Женщины следуют за мужчинами – они несут запасы оружия и помогают, когда мамонта берут в кольцо и пугают громкими криками. В охоте участвуют даже несколько подростков. Их используют как ловких и быстрых связных между отдельными группами охотников и как смысленных дозорных, которые при необходимости могут быстро вскарабкаться на вершину дерева.

Утомившийся Ньян крепко спит в своем шатре, а рядом стоит фигурка, и впрямь подарившая ему удачу в поисках новой женщины. Его Шчекта сидит себе тихонько на траве перед шатром и совершенно не обращает внимания на бурные приготовления к охоте.

Стоянка почти опустела. Здесь остались только две старухи, охраняющие огонь, да стайка малышей.

С холма сбежал Волчий Коготь и подтвердил охотникам, что стадо мамонтов действительно появилось на пологих горных отрогах неподалеку от Дьи. Животные неторопливо шагают вдоль речного русла, причем их стадо многочисленно и состоит из нескольких небольших групп.

Тут и от Лохмача явился посыльный с таким же известием. Лохмач советовал охотникам до поры до времени не показываться, чтобы мамонты ничего не учуяли и не забеспокоились. Ведь они могут свернуть в сторону, и как их тогда настигнуть?

– Да знаем мы, что делать! – раздраженно выкрикнул Визгун. – Пускай Лохмач детям советы дает – не охотникам!

Но Мамонтенок решил прислушаться к словам Лохмача и настоял, чтобы племя разделилось. Волчий Коготь спустится с холма и станет следить за его склоном, Лохмач с сотоварищами будут наблюдать за берегом Дьи и помешают мамонтам, если те вдруг захотят перебраться через реку, а группа Мамонтенка укроется в засаде, а потом, когда стадо ее минует, погонит животных напрямик в трясину. Женщины же спрячутся в долине, чтобы, когда потребуются, криками отгонять стадо от стойбища.

– Так охотятся зимой волки, – одобрили все предложение Мамонтенка и тут же разделились на группы, уподобившись волчьей стае, которая вознамерилась напасть на большое стадо.

Один лишь Визгун пробурчал недовольно:

– Грр – сюда, грр – туда, делите племя! Все на одного мамонта – грр!

Но Мамонтенок и остальные охотники только поглядели на Визгуна сурово и ничего ему не ответили.

Начиналось все многообещающе. Мамонты неуклонно приближались. Уже можно было различить отдельных животных в головной группе. За березняком и ольшаником двигались мохнатые спины второй группы. Иногда вверх вздымался длинный согнутый хобот, ломавший ветку, и взблескивали огромные клыки-бивни.

Людей охватил азарт добытчиков. Глаза у них сверкали, копыта, зажатые в кулаках, подрагивали. У многих выступили на лбу крупные капли пота.

Волчий Коготь каркает – это сигнал, что все пока идет хорошо. В ответ ему каркает со стороны реки Лохмач. Мамонтенок в своем укрытии ждет не дождется того мига, когда надо будет выскочить на мамонтов и погнать их стадо к топи. Спрятавшись за кустом, он не сводит глаз с гривастых животных.

Первые мамонты уже совсем рядом.

Крупный вожак прокладывает путь молодняку. Раскачивая хоботом из стороны в сторону, он прямо на ходу срывает ветви и сует их в пасть. Гигантские уши хлопают, отгоняя надоедливых комаров. За ним идут другие мамонты, которые так расширили проход, что превратили его в настоящую дорогу. Один из мамонтов почесался о дерево, и оно переломилось, как соломинка. Молодой мамонтенок тут же оторвал хоботом всю его крону и, забавляясь, потащил за собой.

Мамонты шагают медленно – они пока ни о чем не подозревают.

Упущенная добыча

Еще мгновение – и начнется большая охота.

Но внезапно Мамонтенок заметил непонятное оживление в замыкающей группе лохматых великанов. Мамонты всполошились – они сбегают с протоптанной тропы и громко трубят.

Что же там творится? Что испугнуло мамонтов? Волки их боятся, они напасть не могли; даже медведи всегда держатся от мамонтов подальше.

Тем временем паника в стаде нарастает. Несколько мамонтов, воздев кверху хоботы, бегут прочь.

Обе боковые группы охотников под водительством Волчьего Когтя и Лохмача подумали, будто охота уже началась, и бросились на стадо. От этого переполох еще усилился.

Мамонтенок, видя, что животные разбегаются, ждать больше не стал и велел гнать стадо к трясине. Один огромный мамонт проломился через заросли и очутился прямо перед Мамонтенком. Счастье, что охотнику удалось сохранить хладнокровие, когда зверь помчался на него. Увернувшись от страшного хобота, он со всей силы воткнул копьё в пах зверя. Вытащить оружие человек не успел: мамонт побежал дальше.

Мамонтенок очень удивился. Он полагал, что разъяренный гигант бросится на него и завяжется схватка. Но похоже, мамонт даже не обратил внимания на серьезную рану. Как это? Наверное, мамонт настолько испуган, что не хочет задерживаться и драться.

Спутники Мамонтенка удивились и обеспокоились не меньше его. Они были уверены, что их ожидает битва не на жизнь, а на смерть, а мамонт взял да и попросту удрал. Они видели, как он протиснулся между двумя толстыми деревьями, сломав при этом торчавшее из его раны копьё. Упал на колени, но тут же поднялся и заторопился к стаду.

Вот показалось еще несколько животных. Ветви трещат, земля гудит от тяжелого топота, кое-где даже деревья валяются...

К Мамонтенку подбежал запыхавшийся паренек, Копчем. Его глаза полны ужаса, удивления, растерянности.

– Чужие охотники! – простонал он и рухнул на траву.

Группа Мамонтенка, ошеломленная известием, сразу пала духом. Охотники бестолково скачут, шарахаются из стороны в сторону, не знают, что теперь делать. Еще бы – испорчена такая замечательная охота!

Расстроенный Мамонтенок рывком поднял Копчема и поставил на ноги.

– Что? Что ты видел? Где они? – выпрашивал он.

Копчем уже немного пришел в себя. Тяжело дыша, он ответил:

– Какие-то охотники – охотники – много охотников – за мамонтами!

Эх, дурная новость для вестоницкого племени! Если мамонтов гонят какие-то чужие охотники, значит не обойтись без жестокой схватки. Племени придется сразиться с незваными гостями. Надо поскорее сообщить об этом всем соплеменникам, чтобы их не застали врасплох.

Джган и Клух немедленно помчались предупредить остальных. Мамонтенок же и еще несколько мужчин отправились на разведку. Пускай себе мамонты бегут мимо – сейчас важнее выяснить, где находятся незнакомые охотники и много ли их.

И вдруг до них донесся громкий крик. Такие резкие вопли означают, что происходит нечто необычное, нечто очень важное. Группа Мамонтенка поспешила туда, откуда слышались крики. Вскоре охотники увидели, что Коготь и его люди обступили раненого мамонта и упорно с ним бьются. Им удалось вонзить в мамонта несколько копий. Бешено скачущий зверь истекает кровью – кровь струится и по его хоботу: наверное, кто-то удачно ударил великана топором.

Мамонтенок мгновенно вступил в бой; все, позабыв о пришельцах, думают сейчас только об охоте.

Раненый мамонт бешено сопротивляется. Подняв на бивни одного из охотников, он уже готов был растоптать его, но другой храбрец быстро подскочил к животному и двумя меткими ударами подрезал ему сухожилия на задних ногах. Мамонт грузно осел, поднял хобот, показав огромную пасть, – и кто-то тотчас кинул туда копье. Мамонт мгновенно вырвал его хоботом и, разъяренный, вскочил.

Люди в поисках спасения разбегаются по кустам; мамонт преследует их, топчя все, что попадает ему на пути. Он забежал на пригорок и – надо же! – увидел прямо перед собой группку чужих охотников, растерянных и удивленных. Они только что подошли сюда.

Прежде чем чужаки собрались отразить нападение, мамонт повалил наземь двоих из них. Он бы и других растоптал, да люди успели кинуться врассыпную.

Мамонт, мотая головой и дрожа всем телом, остановился. Тут через луг пробежали еще два мамонта – самка с детенышем, – и раненый гигант, растоптав несколько низеньких березок, тоже направился к сбившемуся в огромную кучу стаду.

Группы Мамонтенка и Когтя выскочили из укрытий и без колебаний набросились на пришельцев, рассыпавшихся по зарослям. В такие минуты скорость всегда помогает достичь успеха. Чужие охотники с одинаковыми шрамами на подбородках до сих пор даже не подозревали о присутствии рядом с ними вестоницкого племени; ошарашенные внезапным нападением, они почти не сопротивлялись. Чужаки решили спастись бегством, так что вестоницкие охотники уже предвкушали скорую победу. Они рассчитывали быстро прогнать незваных гостей и вернуться к стаду мамонтов, чтобы удачно завершить лов.

– За ними! – кричали Мамонтенок, Коготь, Клух и другие, возбужденные близкой победой охотники, размахивая копьями и топорами. Теперь они уже поняли, отчего стадо мамонтов безостановочно шло вперед: его гнало чужое охотничье племя.

Вестоницким охотникам не нравится, когда кто-то пришлый ловит зверей на их землях. Ни одно племя не может смириться с подобным бесчинством. Есть закон, который гласит: «Добыча всегда принадлежит местному племени. Вся земля, в пределах которой виден дым племенного костра, является для чужого охотника табу. Охотиться ему здесь нельзя».

Чужаки нарушили этот издревле существующий закон и потому должны быть наказаны. Охотники со шрамами на подбородках ответят за свое дерзкое преступление.

Боевому настрою вполне соответствовали оглушительные крики, с которыми вестоницкие охотники гнались за наглыми пришельцами. Даже неуклюжий Толстяк, ленивый Окунь и обычно всегда и во всем последний Нюня неслись в этот раз в первых рядах, рядом с Мамонтенком, Волчьим Когтем и силачом Пайдой. Нынче будет одержана великая победа! Нас ждет богатая добыча! Гойа! Гойа!

Однако все обернулось совсем не так. Удиравшие чужие охотники выбежали из редких зарослей на вольный простор. Вестоницкие победители уже заранее ликовали, потому что укрыться на травянистой равнине было совершенно негде.

Но чужаки внезапно остановились. Они не пытались больше прятаться, а, напротив, издавали крики радости и куда-то указывали.

Вестоницкие охотники, выскочив из зарослей, замерли от испуга и удивления. Откуда взялось тут столько чужаков?! И они все ближе и ближе!

Чужие охотники, услышав призывы своих спасавшихся бегством соплеменников, ответили им воинственными воплями и без раздумий ринулись на небольшую группу противников. Они быстро разобрались в том, что произошло: их разведчики, отправленные следить за стадом мамонтов, столкнулись с местным племенем, которое, разумеется, захотело защитить свои владения. Но пришельцев больше, чем местных, поэтому закон табу отменяется. Все решает

только сила! Натиск сильнейшего одолевает право слабейшего. Так что – гrr! – на местное племя!

Несколько легких копий уже упало у ног изумленных вестоницких охотников. Крик пришельцев перешел в устрашающий рев. Вестоницкие ловцы мгновенно поняли, что надежды победить в бою столь многочисленного врага у них нет, и пустились наутек.

Чужаки взревели еще громче и погнались за вестоницкими охотниками, точно стая голодных волков за утомившимся оленем. Горе тому, кого они настигнут! Он будет убит на месте.

Вестоницкие охотники ловко виляют среди кустов, и потому им удается оторваться от преследователей. Однако мчаться приходится без передышки. Иначе – смерть. Они стараются

держаться вместе, не терять друг друга из виду. Каждый стремится бежать рядом с самыми опытными охотниками. Заблудившийся в зарослях догнать остальных уже не сможет.

Горе, горе, до чего же плохой день! Сегодня может погибнуть все вестоницкое племя! Спрятаться негде, враги подобны туче, закрывающей звезды, и скоро не останется уже ни одного охотника, который смог бы крикнуть в родном стойбище: «Все пропало! Спасайтесь!»

Судьба вестоницкого племени кажется решенной. Надежды больше нет. Всех его людей ждет гибель, и новые хозяева станут поддерживать огонь у подножия Павловских гор и охотиться в здешних угодьях, обильных разным зверьем.

Мамонтенок, Коготь, Укмас и другие смельчаки пытались время от времени хоть как-то помешать преследователям, но их сил было недостаточно. После нескольких неудач им пришлось бежать прочь быстрее прежнего. Чужаки уже почти окружили местных охотников.

И тут навстречу людям вышел раненый мамонт. В его косматом, поросшем длинной шерстью теле торчат несколько сломанных копий. Вестоницкие охотники спешат поскорее миновать великана, а вот их преследователи, разгоряченные погоней, без раздумий кидаются на животное и с разных сторон колют и бьют его. Мамонт уже потерял много крови, поэтому сопротивляется он слабо и сам не нападает. Охотники надеются, что он вот-вот упадет. Они не хотят оставлять его, и потому членам вестоницкого племени удастся убежать довольно далеко. Ох, теперь можно позволить себе недолгий отдых. Он очень поможет измученным людям.

У Дьи их ждет Лохмач с несколькими товарищами. Они видели бег растерявшихся соплеменников и заметили чужаков. Опытный Лохмач сразу понял, что принимать бой с таким многочисленным противником бессмысленно, и потому собрал у реки всех – мужчин, женщин, детей. Он намерен переправиться с ними через Дью, чтобы спасти жизнь хотя бы тех, кто надеется на него.

Обе части племени наконец воссоединились. Во взглядах у всех плещутся ужас и недоумение. Племя лишилось двух женщин и нескольких мужчин. Люди видели смерть близких, видели, как чужие насильники уводили женщин. Племя сожалеет об их утрате, оно заметно ослаблено. Кто из собравшихся будет следующим? Кто еще падет от руки безжалостного захватчика?

Минуты отдыха пробежали быстро. Ветер донес ужасающий рык неприятельской толпы. Племени надо где-то укрыться. Ах, как пригодился бы ему сейчас мудрый вождь, отдающий решительные приказы! Ведь настало время страшных испытаний. Но такого предводителя нет, а значит, нет ни единства, ни согласия, и все члены племени охвачены растерянностью и тревогой.

Лохмач, Мамонтенок и Коготь держат короткий совет. Упрямец громко предлагает вернуться на стоянку и забрать оттуда хотя бы несколько шкур. Лохмач только отмахивается:

– Молчи!

– Все в воду! – прозвучал наконец приказ, и племя без раздумий ступило в реку.

Охотники знают это место: когда вода стоит невысоко, здесь есть удобный брод. Но сегодня течение сильное, оно сбивает с ног даже мужчин. Однако деваться некуда, надо переправиться на другой берег. Кто перейдет, тот выживет, кто не сможет, тот утонет. Да, по-другому нельзя, нынче только так!

– В воду! – повторил Мамонтенок, и Лохмач принялся подталкивать все еще топтавшихся на берегу нескольких мужчин.

– У меня в шатре такая красивая рысья шкура, – пыхтел Упрямец. – И шуба волчья на зиму... и штаны из оленьего меха!

Лохмач с силой толкнул его, и вот уже Упрямец барахтается в воде.

Сова, Голова и Заяц указывают путь через реку – они уже совсем рядом с противоположным берегом. Женщины с детьми на спинах с трудом бредут по воде. Мужчинам приходится вести их. Дети постарше отважно борются с течением самостоятельно, разве что поскользнув-

шихся на камнях хватает за руку идущий рядом охотник. Первым на берегу оказался Бельчонок, сразу следом за ним – Копчем. Оба мальчишки, обычно веселые и даже немного буйные, сейчас притихли: они тоже явно напуганы. Им грустно оттого, что уклад их племени так внезапно разрушен чужаками. Они слышали разговор взрослых охотников о том, что из стойбища ничего нельзя забрать. Тот, кто остался там, уже убит или вот-вот погибнет, а пришельцы захватят все запасы шкур, все инструменты, все оружие, все заботливо устроенные шатры! Беда, какая беда! Спящий в своем шатре Ньян наверняка умрет. И женщины, и дети... Страшно даже думать об их судьбе!

Мамонтенок и Лохмач поторапливают, за руки тащат из воды отстающих, протягивают им копья, чтобы они могли за них уцепиться. Те, кто сохранил висащие на шеях обереги, крепко их стискивают: волшебство дает силу посреди бурного потока, оно – это всем известно – спасает от опасностей!

И действительно, реку все перешли благополучно, хотя на самой ее середине людям пришлось взяться за руки, создав живую цепь, чтобы помочь женщинам и детям. Некоторые, правда, попадали в воду, но смогли все-таки выбраться на сушу невредимыми.

На берегу все немедленно спрятались среди зелени, чтобы враги не смогли их увидеть. Немного передохнув, люди поползли за Лохмачом: надо было вести себя как можно тише и незаметнее.

Враг не показывается; может, охотники по-прежнему заняты раненым мамонтом? Вот счастье-то для вестоницкого племени! Мамонтенок уже немного успокоился и даже предположил, что чужаки не будут преследовать их на этом берегу Дьи.

Племя держало путь вдоль речного русла. Чтобы запутать следы, люди даже прошли немного по воде, но, когда добрались до обширной болотистой местности, что раскинулась у рукава полноводной Свратки, сливающейся тут с Дьей, идти по воде не стали, а повернули на север.

Охотники шагали молча, нахмурившись. Они лишились мехов, лишились своего красивого оружия и кремневых ножей – все это осталось в стойбище. Трудно им теперь придется!

Усталые женщины скоро взмолились об отдыхе. Они уложили детей на траву и сели рядом. Заяц и Голова отыскали небольшой открытый пригорок и смотрели оттуда вниз, на Дью, в водах которой отражалось багряное заходящее солнце.

Равнина, бескрайняя равнина, ограниченная далеко на юге гребнями Павловских гор. Где-то между ними и Дьей находится покинутое ими стойбище...

Но что это? Оказывается, оно вовсе не покинуто людьми! Оба охотника одновременно заметили белесый столб дыма – это горит костер в их прежнем обиталище! Значит, чужие охотники уже заняли его, заняли их шатры и подбросили дров в их общий огонь, который должен был обогреть вестоницкое племя морозной зимой! Наверное, они поймали мамонта и теперь пируют у костра...

Заяц и Голова переглянулись и мрачно усмехнулись. Перед их внутренним взором появились картины сытного ужина. С каким удовольствием вгрызлись бы они сейчас в кусок жареной ноги мамонта или в ломоть его хобота! У обоих даже слюнки потекли.

– Эй, смотри туда! – всполошился вдруг Голова.

Неподалеку объявилась группа охотников. Они идут по следу, ищут их!

– Это они! Нас преследуют! – воскликнул Заяц и помчался поднимать отдохавших членов племени. Надо уходить, забыв об усталости!

И вестоницкое племя опять тронулось в путь.

Однако много же людей в этом неизвестном вражеском племени, если оно может отправить в погоню такой большой отряд только ради того, чтобы настигнуть прежних хозяев здешних мест! Вестоницкие ловцы не в состоянии сразиться даже с этой группой – все они уже выбились из сил и совсем пали духом. Спасти можно, только уйдя очень, очень далеко.

Нельзя, чтобы раненые и ослабевшие задерживали остальных. Кто отстанет, тот погибнет. Вербак и Кривой, раненные в голову, и Узг и Квач, раненные в ноги, упали по дороге, а племя даже не оглянулось. Упрямец и Укмас тоже пострадали в схватке, но оба пока держатся. Поспешают за прочими, стиснув зубы и низко склонив головы.

Голодные дети в страхе оглядываются по сторонам. Они покорно бегут за взрослыми, опасаясь даже сорвать спелую земляничину, и только тихонько хнычут, когда спотыкаются на неровной земле или царапают ноги колючей травой. Сквозь слезы путь виден плохо.

Рассерженная Шкута стащила со спины привязанную там плачущую дочку и отшлепала ее. Ребенок разрыдался в голос, и охотники закричали злобно:

– Молчи, глупая, ты нас всех выдашь!

Но голодная и искусанная комарами девчушка все не унималась, и Шкута опять отвязала ее и принялась трясти. Ребенок по-прежнему заходился в плаче, и тогда, разъярившись, мать схватила девочку за ногу и швырнула в болото. Крик затих. И племя побежало дальше, как если бы ничего не случилось. Шкута выбросила непослушное дитя – что ж, это ее вещь, почему бы и не выбросить, коли не нужна? Нельзя задерживаться, вперед, вперед!

Наконец совсем стемнело, и враги наверняка потеряли их след. Скорее всего, они развели огонь и устроились вокруг него на ночь. Утром же, когда следы вестоницкого племени опять будут хорошо видны, погоня продолжится.

Утомленное племя бежало все дальше и дальше, но вскоре люди один за другим начали падать наземь и засыпать.

Женщины, дети, мужчины – все поддались усталости. Сейчас им было все равно, достигнут их враги или нет.

К спящим подбежала лиса, обнюхала Бельчонка. Лизнула мальчику щеку – Бельчонок во сне пошевелил рукой, и перепуганная лиса скрылась в темноте.

Ветер зашумел, всколыхнул траву.

Луна, наполовину затянутая тучами, освещает своим бледным светом лежащих на земле беглецов. Никогда, никогда не вернуться уже этому племени к Дые, к подножию Павловских гор.

Сильные побеждают; слабые уступают – или погибают.

Часть вторая В пещере

На новые места охоты

На следующий день враги добрались почти до того места, где нынешняя Сазава¹¹ сливается со Свраткой. Охотники поднялись на холм, которым завершался длинный горный гребень, окаймляющий левый берег Свратки, и оттуда оглядели равнину.

С севера, из дальней дали течет сюда Свратка, а прямо под холмом, в самом узком месте низины, сворачивает ко Свратке с востока Сазава и отдает ей свои воды. Обе реки соединены между собой еще и болотами, затрудняющими путь. Поэтому чужаки полагали, что вестоницкое племя выберет более удобную дорогу – по верху гребня. Однако, к своему удивлению, они заметили, что племя, которое они преследовали, уже перебирается через Сазава и исчезает в густых зарослях за рекой.

Чужие охотники разозлились. Да, они не нагнали своих противников, не смогли убить их, как велел старейшина, но теперь у них пропало всякое желание преследовать вестоницкое племя. Они и так уже отошли очень далеко от Павловских гор, где остались их соплеменники, очень далеко от места, где был повержен мамонт, далеко от общего огня, на котором жарилось восхитительно вкусное мясо. И что же? Неужто им, таким голодным, опять пускаться в погоню за этой не слишком большой группкой людей, которые явно не смогут стать угрозой новым хозяевам здешних мест? Хватит и того, что их отогнали на такое огромное расстояние.

Солнце высоко стоит над Павловскими горами. Охотникам чудится, будто их ноздри ласкает запах вкусной еды, что готовится на костре. Некоторые из них даже облизываются.

Они еще раз посмотрели туда, где скрылись враги, потом повернулись к югу, в сторону Павловских гор, переглянулись... Слов им не понадобилось – хватило понимающих ухмылок и жестов. Охотники решительно тронулись в обратный путь. Пускай себе вождь бранится сколько влезет. Не будут они скитаться тут, когда в стойбище идет пир.

Да и нельзя сказать, что они возвращаются с пустыми руками, не одержав ни единой победы. Одного раненого охотника из вестоницкого племени, который лежал без сознания, они все-таки добились и вдобавок вытащили из болота хныкавшую девчонку и прихватили ее с собой. Их племя – и тут есть чем гордиться! – может прокормить целую уйму таких ребятишек. А со временем из этой зареванной чужачки вырастет работающая женщина.

Охотники, вытянувшись цепочкой, шагают к стойбищу, ожесточенно давя назойливых комаров.

Только взгорье неподалеку от тех мест, где располагается сегодня город Брно, остановило вестоницкое племя, в ужасе бежавшее от опасных пришельцев. Тут, среди лесов и скалистых утесов, можно было отыскать множество укрытий. Охотники вздохнули с облегчением, когда, обернувшись назад и внимательно оглядев бесконечные низины, не заметили ни единого признака погони.

Племя решило задержаться здесь на несколько дней: надо было добыть хотя бы какую-нибудь дичь – все очень ослабели от голода.

Мальчишки, немного отдохнув, без промедления отправились «на охоту», то есть на поиски чего-нибудь съестного. Они так оголодали, что ждать до вечера не могли. Тут сливаются вместе воды трех речек, так неужто им не удастся поймать рыбу? И подходящее место скоро нашлось.

– Вот такие рыбины! – радостно сообщил Бельчонок, отмеряя на собственной руке расстояние от кончиков пальцев до самого локтя.

---

¹¹ Река Сазава (длиной 225 км) течет в Среднечешском крае. Это правый приток Влтавы.

Разгоряченные этим известием мальчишки залезли в воду и принялись гнать стаю рыб на мелководье. Рыбки в панике уплывали от людей, парочка их, мелькнув в воздухе, выпрыгнула на песок. Бельчонок выскочил на берег, ловко ухватил одну довольно крупную уклейку, не дав ей вернуться в реку, и жадно впился зубами в ее голову... рыбий хвост слабо трепыхался у него на груди.

Остальные ребята вдохновились его примером и опять кинулись в воду, где им удалось окружить целую стаю рыб. Их добычей стали три из них. Копчем тем временем добрал до противоположного крутого берега, поймал там под корягами двух налимов и вытащил из норы упиравшегося рака. Мальчик сразу крепко зажал его в кулаке, чтобы рассерженный рак не ущипнул его своими сильными клешнями. Все это он бросил малышам, а сам удовлетворился несколькими найденными у воды улитками.

Бельчонок дожевывал рыбу и принялся восхищаться:

– Рыбы много, комаров мало!

Копчем показал на стрекоз, круживших над камышами:

– Стрекозы – хорошие друзья, отгоняют комаров!

Но очень скоро удача отвернулась от наших приятелей: рыбу они распугали и теперь тщетно ждали ее возвращения.

Тогда Копчем взял командование на себя и повел юных ловцов в другое место. Они перешли через невысокий пригорок, чтобы не брести по извилистой речке, и вышли на залитый солнцем луг. Здесь Копчем вдруг замер, и спутники немедленно последовали его примеру: затаили дыхание, стояли неподвижно и не спускали глаз с вожака.

Копчем застыл, точно каменный, только следил за чем-то в колыхавшейся траве. И внезапно стремительно прыгнул вперед – раз-два! – и из-под его ноги послышался чей-то слабый писк. «Есть!» Копчем наклонился, поднял за хвост убитую им мышшь-полевку и сразу захрустел ею – только косточки в стороны полетели.

Тут и Лыба рванулся за добычей и тоже ловко схватил мышшь, бежавшую по неглубокой ложбинке. Другим ребятам повезло не меньше, так что полевок хватило на всех. Мышки попадались сплошь жирные, вкусные. В их брюшках полно сытного корма. Хорошая штука эти мышки!

Однако вскоре полевки, поначалу доверчивые, стали опасливыми и из норок уже не показывались. Мальчишки не смогли больше поймать ни одной.

Сюда же пришли несколько девочек, заметивших, что ребята нашли какую-то еду. Некоторые из них даже плакали от голода. Не зная, что делать, они осмелились последовать за мальчишками, чтобы отыскать хоть что-нибудь съедобное.

Ребята решили не прогонять их, а, наоборот, похвалиться тем, какие они удачливые добытчики. Но перепуганные мышки не покидали своих нор, так что дети напрасно надеялись поживиться их вкусными тушками.

Разочаровавшись, девчонки собрались уходить, презрительно фыркая, и тогда обиженный Бельчонок схватил одну из них и сильно дернул за волосы. В пальцах у него осталось несколько длинных волосинок. К приятелю подскочил Копчем и тоже, придерживая Жабку за плечо, вырвал у нее из головы небольшую прядь.

Жабка визжала, а Копчем успокаивал ее:

– Замолчи, будет тебе сейчас мышшь!

Он ловко сплел из девичьих волос тонкий шнурок и сделал на его конце петлю.

– Дай-ка кусок! – велел он Жучку, который как раз стягивал с полевки нежную шкурку. Не ожидая, пока мальчонка послушается, он сам забрал у него добычу и оторвал у мышки лапку вместе с куском окровавленного мяса. Огляделся и лег возле одной из норок.

Ребята с интересом смотрели за тем, что делает Копчем. Они знали, какой он умный, и понимали, что он показывает им новый метод охоты. Они притихли и даже дыхание затаили.

Копчем положил лапку у выхода из норы и запустил внутрь волосяную петельку.

И вот уже из отверстия в земле показалась мышьяная мордочка. Копчем стремительно затащил петлю и вскочил: на конце шнурка болталась мышья, пойманная за шею.

Дети от изумления вытаращили глаза.

И тут же раздался громкий визг – это мальчишки принялись вырывать у девчонок волосы. Бедняжки попытались сбежать, да не тут-то было: проворные ребята добились своего. У каждого в руках оказалось немного длинных волосинок.

Спустя несколько минут охота была уже в полном разгаре. Все мальчишки улеглись у мышьяных норок.

Девочки, понаблюдав за ними, тоже уселись наземь и начали рвать у себя волосы. А уж плести шнурочки они умеют куда лучше ребят. Ведь почти все девчонки обожают принарядиться и потому носят красивые кожаные пояски. Они вплетают в них разноцветные птичьи перышки, подобранные в лесу. Некоторые и шею так украшают и очень гордятся своими поделками.

Так что девчонки быстро освоились и охотились на мышья не хуже парнишек.

Полевок всем хватило, ребята наелись досыта.

Вестоницкое племя провело в этих местах несколько дней. Люди устроились в уютной небольшой долине и понемногу приходили в себя после недавнего поражения.

Они спаслись от убийц, набрались сил, насытились. Конечно, всем очень не хватало утраченных шатров, мехов и оружия, но особенно люди истосковались по огню. Хорошо еще, что ночи стояли теплые и от холода никто не страдал.

Охотничьи вылазки были успешными, добыча сама шла в руки.

В это трудное время свары были позабыты. Все воздавали должное опыту и осмотрительности Лохмача, мужеству и самоотверженности Мамонтенка, силе и преданности племени Волчьего Когтя, но тем не менее зависть некоторых мужчин мешала назвать кого-то из них общим предводителем. А такой человек требовался чем дальше, тем больше: последние события показали, что без вождя племя может не выжить. Косой Рог, Визгун и Торопыга уже отказались от притязаний на главенство: поняли, что им не сдюжить. Но вот корыстолюбивый Упрямец склонял всех на свою сторону непрерывными причитаниями о потерянном имуществе и посулами снова сделать племя богатым и могущественным. Охотником он был хорошим, с этим никто не спорил, и, когда ему удалось, встав во главе группы ловцов, добыть целое семейство кабанов, его признали вождем.

Конечно, некоторые попытались оспорить это решение, но их возражения были заглушены громкими криками большинства мужчин: всем уже хотелось спокойствия и порядка. Подобного гвалта обычно хватало, чтобы заставить несогласных умолкнуть, ведь это очень плохо, когда ты один против целого племени.

Общее мнение всех охотников становится законом, обязательным для каждого. Если кто-нибудь осмелится возразить, ему придется покинуть племя и в одиночку добывать себе пропитание. А это означает неминуемую гибель. Человек слаб, в бою с жизненными тяготами он непременно проиграет.

Упрямец руководил племенем умело и разумно. Он заботился о том, чтобы на охоту люди ходили изо дня в день и поочередно, чтобы поменьше было в племени ругани и ссор и чтобы добыча распределялась справедливо (хотя лучшие куски, конечно, доставались вождю). Он настойчиво напоминал своим соплеменникам, что еще до наступления зимы следует непременно запастись шкурами и изготовить новые кремневые орудия. У племени очень много забот, твердил вождь, так что нельзя терять время понапрасну.

Все понимали, что к зиме нужно подготовиться заранее, и потому охотились старательно и бесстрашно. Мужчинам удалось уже убить несколько волков и лис, и дети теперь спали на их шкурах. Не то чтобы они были очень удобными, но пока сойдут и такие.

Однажды охотники выследили небольшой конский табун. До чего желанной стала бы эта добыча!

Но охота прошла совсем не так гладко, как все надеялись. Напротив, день оказался поистине ужасным, и его еще долго вспоминало все племя.

Дело в том, что охотники своими криками разбудили спавшего в камышах гигантского носорога. Это мохнатое чудище с двумя острыми рогами на носу – одним огромным и вторым чуть поменьше – подняло голову, заметило ловцов и тут же выскочило из зарослей, вздымая ногами фонтаны брызг.

Охотники поняли, какая опасность им угрожает, и приготовились к обороне.

Но и носорог не медлил. Наклонив голову к земле, он помчался на людей и своим длинным полуметровым рогом мгновенно вспорол живот одному из охотников. Несчастный вскрикнул и, весь в крови, упал. А носорог сразу атаковал второго ловца. И хотя тому удалось уклониться от жуткого рога, зверь все-таки свалил его наземь. Хорошо, что Волчий Коготь успел вонзить в страшилище копые, не то не миновать бы бедолаге смерти под тяжелыми копытами.

Но рана разъярила зверя еще больше. Он метался из стороны в сторону и норовил напасть на любого, кто оказывался поблизости. Охотники разбегались от него кто куда: их оружие не могло поразить такого великана. Мамонтенок, Волчий Коготь, Сова, Заяц и некоторые другие храбро и яростно прыгали вокруг носорога, стараясь ударить его острыми копытами, однако они не хотели понапрасну рисковать жизнью и потому опасались приближаться к мохнатому чудовищу.

Наконец носорог замер перед кустами, за которыми притаились двое охотников. Он моргал маленькими глазками и сердито фыркал. Тут сзади к нему подкрались трое смельчаков и вонзили в него копыя. Правда, одно из них лишь проехало по толстой грязной шкуре, но зато два других достигли цели: воткнулись в бок и пах животного.

Ко всеобщему удивлению, раненый носорог стремительно развернулся и кинулся на обидчиков. Хромой Пайда не смог вовремя увернуться и рухнул, весь покрытый кровью, под брюхо носорога. Мамонтенок помчался было прочь – копыя-то он уже лишился! – но при виде лежавшего на земле Пайды остановился. Схватил камень побольше и запустил им в животное. И попал тому прямо в голову! Тогда вернулись и двое других и попробовали отвлечь носорога от раненого Пайды. Старый Лохмач остановил большинство убежавших охотников и воротился с ними на поле боя. Теперь зверя окружало не меньше десятка человек, но одолеть гиганта им все равно было не под силу. Носорог, разозленный ударами копий, сумел ранить еще нескольких охотников. Уже и вождь племени Упрямец был в крови (зверь отбросил его в заросли), и смелый Мамонтенок сильно ударился головой о дерево.

Победить в этой схватке люди бы не смогли. Придя в себя, Упрямец приказал отступить. Он издал громкий крик и повелительно взмахнул рукой. Охотники поняли его и закончили бой. Два человека понесли потерявшего сознание Пайду; с ними вместе ушли все раненые, – к счастью, идти они могли без посторонней помощи, разве что опирались временами о плечи товарищей. Никто из них не стонал: люди, сжав зубы, терпели боль. Прочие охотники еще какое-то время отвлекали внимание окровавленного носорога: уводили его в сторону, противоположную той, куда ушли их соплеменники.

И внезапно носорог понял, что рядом не осталось ни единого неприятеля. От злости он растоптал куст можжевельника и прорыл рогом несколько борозд в земле. От его яростного сопения взлетали вверх целые пласты дерна. А потом он бросился в реку – залечивать раны и жадно глотать воду.

Ловцы уводили и уносили обессиленных раненых на стоянку племени, где было безопасно. Печальным оказалось возвращение со столь, казалось бы, многообещающей охоты. Женщины встретили их причитаниями, а при виде недвижимого Пайды принялись визжать и жалобно ойкавать. Когда же мрачные охотники процедили сквозь зубы, что юный Клух никогда уже не вернется, раздались горестные вопли, а одна из женщин рухнула на землю.

Вот какое новое тяжкое испытание выпало на долю вестоницкого племени! Теперь оно ослабело еще больше!

Горе пришло в стойбище.

На следующий день соплеменники отыскали тело Клуха, которому носорог вспорол живот. Его похоронили неподалеку от места гибели, у подножия горы, получившей позже

название Шпильберк¹². Красивое ожерелье из нескольких сотен ракушек и костяных колечек, нанизанных на кожаный шнурок, оставили на шее покойника. Заплаканная подруга Клуха положила рядом с телом охотника куклу в пол-локтя длиной¹³: Клух старательно вырезал ее когда-то из бивня мамонта. Женщина носила эту куклу с собой в маленьком мешочке, никогда с ней не расставалась и верила, что этот амулет принесет ей счастье и она родит веселого, здорового ребенка. Теперь же она со слезами положила куколку в могилу, прощаясь не только с Клухом, но и со своей надеждой.

Остальные раненые выздоровели на удивление быстро. Огромные раны затянулись всего через несколько дней, хотя их почти не обрабатывали.

Зверей в этих местах было мало – кони больше не показывались, оленей никто не видел, так что охотники решили двинуться дальше по берегу, против речного течения, чтобы добраться до поросших лесом холмов.

Однако Упрямец велел все же выждать еще несколько дней. Они оказались дождливые, а добыть за это время удалось лишь парочку водоплавающих птиц, которых подстрелили стрелами из весьма неумело изготовленных луков, куропатку, трех зайцев и несколько рыб. Голод подступил совсем близко.

Так что, когда небо прояснилось, Упрямец приказал трогаться в путь. Племя снялось с места легко и быстро: нести предстояло только те самые волчьи и лисьи шкуры.

И люди пошли вверх по реке. Они даже не заметили, что теперь их ведет не Свратка, а Свитава¹⁴. Это никого не интересовало: река – она и есть река. Любая из них всегда может вывести наверх, на возвышенность, где нет такого обилия комаров, как в низинах.

Очень скоро племя поняло, что дорога ему предстоит непростая. Речка причудливо вилась между скалистыми берегами, так что людям приходилось то и дело огибать крутые известняковые откосы. Иногда обходной путь уводил очень далеко от берега, поэтому в конце концов было решено держаться не основного русла, а небольших протоков.

Однажды они шагали вдоль одного из них и вдруг повстречались с редким природным явлением: земля мгновенно поглотила всю воду! Вот только что она текла себе преспокойно, как течет всегда, – а вот внезапно бесследно исчезла в земле!

---

¹² Высота Шпильберка – 450 метров. Знаменита эта гора прежде всего тем, что на ее вершине находится главная достопримечательность Брно – замок Шпильберк, возведенный еще в XIII веке королем Пршемыслом Отакаром II для обороны Брно. Слава у Шпильберка печальная: его называли «тюрьмой народов», так как император Иосиф II в 1783 году приказал устроить в замке казематы для врагов монархии. Узники содержались там прикованными к балкам. И только век спустя замок стал казармой, хотя время от времени туда все же помещали политических заключенных. С 1960 года там расположен знаменитый музей, экспозиция которого рассказывает не только об истории крепости, но и о выдающихся брненских художниках и архитекторах. Летом в замковом парке проводится множество фестивалей и проходят интереснейшие соревнования по фехтованию. Шпильберк изображен на чешской монете в 10 крон.

¹³ Могила со всеми вышеупомянутыми предметами была обнаружена в Брно в 1891 году во время строительства канализации в районе нынешнего Французского проспекта. – *Примеч. автора.* Кукла, о которой говорится в тексте, – это фигурка мужчины. Величина ее составляет около 25 см (старинная мера длины локоть – расстояние от локтевого сгиба до кончика среднего пальца – равна примерно полуметру).

¹⁴ Реки Свратка (длина 174 км) и Свитава (приток Свратки длиной в 98 км) протекают по Южноморавскому краю Чешской Республики.

Такого никому из охотников прежде видеть не доводилось. Все, разинув от изумления рот, столпились около этого места и переводили взгляды с потока на сухие камни, среди которых он таинственным образом пропал. Раздавались возгласы, выразившие удивление и даже страх.

Непоседливые мальчишки тем временем ползали по почти отвесным склонам и собирали там малину. И вдруг Копчем крикнул:

– Пещера!

Не успели взрослые предупредить детей об опасности, как некоторые из них уже забрались внутрь – исследовать новые места. К счастью, хищников там не оказалось.

Мальчишки перекрикивались в гулком подземелье. Вход в пещеру заслоняли заросли орешника.

Мамонтенок, Волчий Коготь, Заяц и другие охотники тоже вскарабкались к пещере, чтобы хорошенько изучить ее. Ведь она вполне может пригодиться племени как удобное и надежное убежище! Ребята, поначалу мчавшиеся все дальше по скальному проходу, скоро испугались темноты и холода и вернулись обратно, к свету.

Пещера изгибалась, уходила вглубь горы. Передняя, более светлая часть была просторной, но за поворотом пещера заметно сужалась. Здесь охотники стучались головой о каменные сосульки, либо свисавшие со свода, либо выроставшие из земли и преграждавшие путь. Ползать в темноте среди многочисленных препятствий никому не хотелось, и потому люди скоро возвратились в светлую часть, где можно было стоять не пригибаясь. Все ощущали слабое дуновение, свидетельствовавшее о том, что эта пещера соединялась с какими-то другими скальными пустотами.

Копчем уселся на каменный выступ у самого входа и принялся вертеть головой: куда же это подевался Бельчонок? Он не знал, что приятель притаился совсем рядом, в орешнике. Скоро Бельчонок свистнул, точно синичка, и высунул из листвы голову – губы сложены трубочкой. Копчем радостно улыбнулся – мол, так я и думал, что ты недалеко. А потом несколько раз подмигнул, что значило: это я нашел пещеру, хорошо бы нам тут остаться!

По довольным лицам выходивших из пещеры охотников было ясно, что внутри им очень понравилось. Мальчишки напряженно ждали слов вождя племени. Пришлось ли ему по душе это место? Уже и женщины с детьми успели залезть в пещеру. В передней ее части может легко разместиться все племя, а уж если кто-то согласится забраться чуть глубже, то здесь будет даже просторно.

– Пещера – наша! – важно объявил Упрямец. – Хорошо для зимы!

Мальчишки радостно загомонили и тут же принялись помогать женщинам обустроиваться. Охотники тоже приветствовали решение вождя сдержанным ворчанием. Им понравилась эта удобная пещера в известняковой скале. Здесь будет тепло и безопасно, когда наступит суровая зимняя пора. Жаль только, огня у них нет! То-то бы светло стало в пещере! Да и обогрели бы ее хорошенько. Хотя оно и так неплохо. Разве можно сравнить с ночевкой в какой-нибудь заносимой снегом ложбине?

Женщины выбросили вон кости животных и сухие ветки, валявшиеся по углам, и уложили на пол пещеры те несколько шкур, что принесли с собой. Потом, подогнув ноги, они расселись одна подле другой, радуясь, что племя подыскало себе пристанище.

Ребятишки же высыпали наружу – собирать ягоды. Склон над пещерой порос вереском и белыми ромашками. На уступах виднелись качавшиеся от ветра березки, кусты можжевельника, дубы и сосны.

Вестоницкое племя обрело новое жилище.

Лемминги

Копчем и Бельчонок оставили малышню пастись среди кустиков черники и зарослей малины и отправились разведывать окрестности. Они напились воды из речного протока и вновь удивились тому, как чудесно он пропадает в земле. Друзья искали дыры, куда могла бы утекать вода, но ни одной не нашли. Увидели только, что ширина протока все уменьшается, так что в конце концов его русло становится совершенно сухим. Копчем даже отбросил несколько камней, но никакой дырки не обнаружил.

– А что же рыбы? – спросил Бельчонок.

Но Копчем не знал, куда подевались рыбы. Тогда они вернулись туда, где проток был полноводным, и принялись искать рыб там. Хоть малюсенькую бы поймать – тоже бы пригодилась.

– Воды мало – рыбы нет! – заключил наконец Копчем.

Бельчонок вздохнул:

– Тогда – вперед за зайцами! Бельчонок любит рыбу и зайцев...

– Айда! – сразу согласился Копчем и показал на противоположный, залитый солнцем склон.

Бельчонок лишь тихонько присвистнул. Мальчишки уже договорились: они попробуют поймать зайца.

Говорили друзья мало и неразборчиво – как и все тогда – и объяснялись в основном жестами и междометиями. Много приходилось просто угадывать, потому что слов не хватало, а как без слов выразить то, о чем думаешь? Но люди очень старались понять друг друга, это развивало их ум и улучшало навыки общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.